

[Polaris]

Николай Карпов

ЛУЧИ СМЕРТИ

Советская авантюрно — фантастическая
проза 1920 — х гг.

Том VI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ХСVIII

Salamandra P.V.V.

**Николай
КАРПОВ**

ЛУЧИ СМЕРТИ

Фантастический
роман

Salamandra P.V.V.

Карпов Н. А.

Лучи смерти: Фантастический роман. Послесл. М. Фоменко (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том VI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 125 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ХСVIII).

Роман забытого писателя Н. Карпова – одно из первых произведений советской фантастики, посвященных модной в 1920-х годах теме «лучей смерти». Изобретенный гениальным ученым аппарат «лучей смерти» становится оружием в руках капиталистов, направленным против восставших рабочих. За продажу излучателя профессору-изобретателю придется заплатить страшную цену...

© М. Fomenko, послесловие, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Н. КАРПОВ

ЛУЧИ СМЕРТИ

ЗАВОД ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА 1925

Николай Карпов

ЛУЧИ СМЕРТИ

Фантастический роман

ТРИ КОРОЛЯ

Этот отдельный кабинет фешенебельного нью-йоркского ресторана напоминал по обстановке безвкусно убранную гостиную в доме богача: большая квадратная комната освещалась мягким светом золоченой лапообразной люстры, с тремя матовыми шарами под лепным потолком, на котором весело подмигивали посетителям повитые гирляндами виноградных гроздьев и листьев пухлые амурсы. Красные бархатные драпри закрывали два окна, не пропуская уличного шума. На красных обоях стен с золоченым узким карнизом ярко выделялась матовая позолота широких рам четырех картин с обнаженными, томно улыбающимися нимфами; в углу сияло красной лакировкой большое пианино; плотно закрытая дверь блестела массивной темно-зеленой малахитовой ручкой. Перед длинным столом, покрытым ослепительно-белой скатертью и сиявшим серебром, хрусталем и фарфором, четыре бархатных кресла с пухлым сидением и округлыми ручками, казалось, приглашали к покою и кейфу.

Единственный гость в этом кабинете сидел за столом, развалился в кресле, и в свете электрической люстры матово поблескивал его голый череп. Вообразите себе арбуз, посаженный на круглую пивную бочку, опирающуюся на гигантские круглые колбасы в пол-аршина диаметром, — и вы будете иметь точное представление о фигуре этого гостя — Джима Маклина, нефтяного короля. Представьте себе круглую, белую, пухлую булку, в которую всажены две черные изюминки — два глаза, небольшую белую картофелину — нос, а под носом два длинных, соприкасающихся друг с другом красных червяка — губы, — и вы будете иметь точное представление о его лице. Пухлое тесто его бесформенной фигуры было втиснуто в корректный черный фрак, белая грудь манишки сияла ослепительно, и не менее осле-

пительно блестели его лакированные лыжи-туфли. Если вам приходилось слышать резкий скрип листов железа на крыше, концы которых, оторванные бурей, трутся друг о друга, — вы можете вообразить его голос. Что же касается его прочих телесных и душевных качеств, то можно сказать, что у этого некоронованного короля не было величия, свойственного титулованным особам, зато у него была солидность, основательность, трезвый практический ум хищника, изощренный вечной погоней за долларом, и полная атрофия чувств жалости, стыда, чести и того, что называется в обществе совестью.

Он сидел, развалиясь в кресле, неподвижный, как статуя китайского божка, утопая в облаках ароматного, голубоватого дыма сигары, торчавшей в правом углу его сочного рта.

Легкий стук в дверь заставил мистера Маклина вздрогнуть и выпрямиться в кресле. В кабинет вошел высокий, худощавый человек в черном лоснящемся цилиндре и черном наглухо застегнутом сюртуке. Размеренными движениями и важной строгостью худощавого — с горбатым носом, остренькой серой бородкой и серо-стальными глазами — лица он походил на методистского проповедника. Этот гость был также некоронованным королем Американских Соединенных Штатов: это был Роберт Морган, стальной король.

— Алло, Боб! — проскрипел сердито Маклин, — вы опоздали на десять минут. Это свинство! Этого осла Теренса Джонса также нет до сих пор, и он, наверно, опоздает на полчаса! И на такое важное совещание!..

— Меня задержали... — процедил сквозь зубы стальной король, усаживаясь в кресло и ставя свой цилиндр между тарелкой и хрустальной вазой с фруктами, — что же касается Терри, то я его не видел и не знаю, почему он запоздал. Впрочем, вот, кажется, и этот медведь...

Обе створки двери с треском распахнулись, и в кабинет ввалился громадного роста человек в цилиндре и черном фраке, мешком сидевшим на его могучих плечах. В нем все поражало своими размерами: и словно вырубленное из

красноватого дерева топором лицо, заросшее до самых бровей густой черной бородой, и голубые глаза, напоминавшие озера в лесной чаще, и униженные перстнями толстые пальцы, и ступни ног, втиснутые в лакированные ботинки. Он действительно походил на медведя, этот Теренс Джонс, король золота, владелец обширных и многочисленных приисков в Клондайке.

— Алло, Джим! Алло, Боб! — прорычал он густым басом, швыряя на пол цилиндр и вваливаясь в кресло, затрепавшее под тяжестью его тела, — виноват, я, кажется, запоздал. Меня задержал один старый приятель, с которым немало почудил я в доброе старое время на Юконе. Очень забавный субъект!

— Вы оба должны быть аккуратнее, дети мои: дело слишком серьезное! — сердито проскрипел Джим Маклин, нажимая кнопку звонка.

— Сейчас мы закусим, а потом приступим сразу к делу. Ужин я заказал давно, вкусы у нас, я полагаю, одинаковые.

По кабинету бесшумно, как тени, заскользили три фигуры в синих фраках с металлическими пуговицами, представляя перед гостями дымящиеся кушанья и наполняя вином узкие хрустальные бокалы.

Три короля поспешно уничтожали еду, с сосредоточенно-брезгливым видом богачей, которым все надоело и которые в процессе насыщения видят лишь необходимую, но скучную повинность, стараются уделять ей как можно меньше времени. Зато хмельная влага различных цветов и оттенков быстро иссякала в бокалах, и руки трех лакеев беспрерывно наполняли их.

Наконец, три короля откинулись на спинки кресел, словно по сигналу, и Теренс Джонс грозно прорычал, обращаясь к лакеям:

— Можете убираться! Без звонка не входить! Дверь закрывайте плотнее, и всякий, кто осмелится подойти к двери ближе, чем на две сажени, будет иметь дело со мной! Факт!

Три человека в синих фраках с металлическими пуговицами с почтительными поклонами бесшумно удалились.

II

ЧЕРНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Джим Маклин, нефтяной король, достал из золотого, осыпанного брильянтами портсигара длинную гаванскую сигару, тщательно обрезал ее золотой гильотинкой, висевшей в виде брелка на массивной золотой цепочке его хронометра, закурил и начал своим скрипучим голосом:

— Джентльмены, я полагаю, вы не запротестуете, если я возьму на себя роль председателя нашего маленького собрания. Нет? Прекрасно! Итак, мы явились сюда затем, чтобы обсудить целый ряд важных вопросов, вопросов, если можно так выразиться, — жизни и смерти для нас, и принять те или иные решения. Мы явились сюда не только ради наших собственных интересов, но и ради интересов десятков тысяч людей, разбросанных по всему миру, тесно связанных с нами или непосредственно материальными узами, или узами, так сказать, идейными. Каждый из нас является представителем целой группы акционеров и пайщиков. Каждый из нас является уполномоченным десятков тысяч капиталистов Америки, Европы, Азии, Африки и Австралии, связанных между собою сильной организацией, которую мы возглавляем. Весь мир разделился на два враждебных лагеря; мы, представители капитала, ведем жестокую, явную и тайную борьбу с теми, кто железным законом жизни и самой историей предназначен работать на нас. Будем откровенны, не будем закрывать глаза на грядущую опасность. В Европе имеется целая громадная страна — Россия, где рабочие победили капиталистов, вооруженной рукой захватив власть в свои руки. К великому удивлению и сожалению нашему, после целого ряда лет кровавой борьбы они успешно побеждают промышленный кризис, возникший в связи с мировой войной, налаживают разрушенное хозяйство и выводят свою страну из тупика, в котором она бессильно билась в годы войны и революции. Не бара-

баньте по столу пальцами, Джонс! Если я плохой оратор и говорю всем известные избитые истины, — это еще не значит, что вы не должны меня слушать! Смею вас уверить, дальше будет интереснее. Итак, я продолжаю. Пример заразителен. Во всем мире волнуются рабочие, лихорадочно организуются и готовятся дать решительную битву капиталистам. Правительства всего мира не могут гарантировать безопасность своих лучших граждан, их поддерживающих и не жалеющих средств для охраны порядка и существующего строя. Да, правительства бессильны и не могут раздавить стоглавую гидру революции. Отсюда ясно, что капиталисты должны сорганизоваться, найти могучее оружие в борьбе с рабочими и дать им сразу хороший урок. И мы сорганизовались. Мы возглавляем тысячи, десятки тысяч людей, готовых по первому нашему требованию пожертвовать солидной частью своего капитала на общее дело. Сотни тысяч наших агентов, для которых мы не жалеем золота, готовы пожертвовать своей шкурой и ринуться в бой по первому нашему сигналу. Но рабочие более многочисленны; как люди с грубой душевной организацией, соблазненные лживыми призраками якобы наступающей новой эры счастья и довольства в их жизни, возбужденные социалистическими бреднями, они охвачены бешеным энтузиазмом и не дорожат жизнью, проявляя в борьбе дикуую храбрость. Значит, вопрос в том, чтобы найти такое оружие, которым можно было бы терроризовать врага и отбить у него охоту к выступлениям и глупым бредням на сотни лет.

Джим Маклин замолчал, закурил погасшую сигару и выпустил клуб дыма в лицо Теренса Джонса.

— Наше самое надежное оружие — золото, его у нас много, и мы победим! — заревел Теренс Джонс, ударяя кулаком по столу так, что высоко подскочили и жалобно зазвенели хрустальные бокалы, и бутылка свалилась на пестрый ковер, заливая его золотистой влагой, — мы не будем жалеть желтеньких кружков и, если понадобится, засыплем ими вождей рабочих! Мы купим их со всеми потрохами и заставим плясать под нашу дудку! Мы купим миллионы солдат во всех странах мира, организуем армию, снаб-

дим ее тысячами аэропланов, тысячами танков, миллионном оружии, страшными газовыми отрядами и раздавим наших врагов!

— Золото — большая сила, но не все можно купить. Машина — прекрасная вещь, но ею управляют люди, не забудьте этого, глупый человек! Нет, нам необходимо найти иное оружие. Оно имеется, только... только бы взять его в свои руки. Когда мы им овладеем мы — покорим весь мир...

Джим Маклин замолчал и взглянул на своих собеседников, наслаждаясь эффектом своих слов.

Боб Морган вытянул шею, вонзил в него взгляд своих серо-стальных глаз и замер. Теренс Джонс раскрыл свой огромный рот, и его протянутая к бокалу с вином медвежья лапа застыла неподвижно над столом.

— Дальше! — проревел он нетерпеливо.

III

СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ

Маклин, не торопясь, наполнил из ближайшей бутылки золотистой влагой свой бокал, осушил его залпом и закрипел снова:

— Повторяю, такое оружие существует. Немногим известно, джентльмены, что на окраине нашего города живет ученый изобретатель, профессор Джон Монгомери, последнее открытие которого заткнуло за пояс все открытия других ученых, стремившихся создать более совершенное оружие для уничтожения противника на войне. Профессор Монгомери устроил такой прибор, с помощью которого можно превратить в пепел целый город, находясь от него на порядочном расстоянии. Он открыл лучи, которые, встречая на своем пути препятствие, развивают колоссальную теплоту и сжигают все, что обладает свойством горения. Вот скудные и отрывочные сведения об этом изобретении. Разумеется, свое открытие профессор держит в тайне, и я узнал о нем случайно. Не считаясь ни с какими затруднениями, я, разумеется, немедленно постарался собрать точные сведения о профессоре и о его образе жизни. К сожалению, эти сведения оказались весьма неполными. Судите сами:

— Профессор Монгомери, старый чудак, живет на окраине в маленькой собственной вилле со взрослой дочерью и домоправительницей, особой весьма воинственного вида и нрава; это может засвидетельствовать мой секретарь Дик Бунс, которому я поручил собрать необходимые сведения и который испытал воинственный нрав леди на своей шкуре. Профессор Монгомери когда-то читал лекции по химии, радиотехнике и электричеству в университете, но в настоящее время он исключительно занят работой в своей лаборатории и ведет замкнутый образ жизни.

О его открытии, о «лучах смерти», больше я вам ничего не могу сказать; впрочем, могу осведомить вас об одном

маленьком интересном опыте. Два месяца тому назад профессор Монгомери выстроил в дальнем уголке своего сада небольшой деревянный павильон и поместил в нем дюжину собак. Через два дня после того, как постройка была окончена, ночью случайный прохожий увидел над садом профессора необычайно-сильную мгновенную вспышку пламени и услышал запах гари. Прохожий оказался человеком любопытным и решительным: он пролез через чутунную решетчатую ограду в сад, подошел к тому месту, где он видел пламя, и нашел там кучу обгорелых, еще дымящихся развалин. Прохожий не преминул сообщить об этой странной вещи полиции. Профессора вызвали туда, и он принужден был дать кое-какие сведения, правда, довольно туманного свойства. Оказывается, это был опыт с открытыми им «лучами смерти», опыт в маленьком масштабе. Конечно, джентльмены, вы догадываетесь, что первоначальные сведения об открытии профессора Монгомери я получил от полиции, которую, как вам известно, мы регулярно субсидируем. Инспектор полиции лично осматривал место происшествия, нашел там кучу обгорелых бревен, обгорелые трупы собак и обугленные стволы ближайших деревьев в саду...

— Прекрасно! — прервал его Боб Морган, в волнении вскакивая с кресла, — о чем тут толковать? Кажется, все ясно. Мы должны купить изобретение профессора Монгомери, — и мы его купим, хотя бы на это пришлось ухлопать половину нашего состояния... Это страшное оружие обеспечит нам полную победу над противником, который с минуты на минуту...

— Не горячитесь, Боб! — прервал его в свою очередь нефтяной король, — это вам совсем не к лицу! Так уж сразу и половину нашего состояния!.. Я полагаю, достаточно будет миллиона долларов этому чудаку. Нужно нам сказать, джентльмены, что я пытался неоднократно звонить Монгомери по телефону, но он не захотел со мною разговаривать и весьма грубо послал меня ко всем чертям. Я посылал к нему два раза Дика Нунса, моего секретаря, но его он не принял, и воинственная домоправительница почтенного профессора чуть не вытолкала беднягу в шею, захлоп-

нув дверь перед его носом. Завтра утром я поеду к нему лично и, во что бы то ни стало, куплю его изобретение. Итак, джентльмены, какой суммой я могу располагать? Разумеется, расходы лягут не только на нас, но и на тех, представителями которых мы являемся, — на членов нашей Всемирной Ассоциации Капиталистов; следовательно, эта покупка не особенно растрясет наши карманы... Итак, джентльмены...

— Миллион долларов! — проревел Теренс Джонс, король золота.

— Полтора... Даже, в крайнем случае, два миллиона! — вскричал Боб Морган, стальной король, — это наша последняя ставка.

— Ладно, — проскрипел спокойно Джим Маклин, — я думаю, даже сумма в миллион долларов ошеломит старика Монгомери. Ему моментально пригрезится собственный автомобиль, громадная лаборатория, тысячи ассистентов, с десяток иностранных орденских лент и собственная вила в Ницце. Завтра у нас в руках будет оружие, с которым мы покорим весь мир и посмеемся над нашими противниками. Мы поделим вселенную на три равные части и будем настоящими королями!

IV

ПРОФЕССОР МОНГОМЕРИ СЕРДИТСЯ

Стрельчатая высокая чугунная ограда отделяла сад профессора от внешнего мира. Высокие двустворчатые чугунные ворота были наглухо закрыты, и зеленые ветви тополей скрывали за зеленой гущиной двухэтажный каменный домик с бельведером и широким балконом второго этажа. Весь дом от основания до железной крыши был перевит кудрями цепкого плюща и вьющегося дикого винограда и совершенно сливался с окружающей его зеленью. От ворот к подъезду вела широкая, усыпанная гравием дорожка, от которой разбегались в глубину сада узкие, сияющие серебристым зернистым песком тропинки. Между четырьмя круглыми белыми колоннами, поддерживавшими балкон, четыре широкие мраморные ступени вели к узкой входной двери. На двери висел жестяной желтый ящик для писем и белела квадратная карточка, на которой четкими крупными буквами было написано:

ПРОФЕССОР МОНГОМЕРИ
НИКОГО И НИКОГДА НЕ ПРИНИМАЕТ,
в доме имеются два свирепых бульдога и
четыре кольтовских револьвера
КРУПНОГО КАЛИБРА.
ПРОХОЖИЙ, УБИРАЙСЯ К ЧЕРТУ!
Газеты и письма опускать в ящик.

У высоких, решетчатых перил балкона матовая зелень тропических растений в деревянных кадках переплеталась в непроницаемую для нескромных взглядов стену, сквозь которую кое-где пробивались золотистые нити солнечных лучей; верх балкона был защищен от дождя и солнца белым тентом. За круглым большим мраморным столом у са-
мых перил в качалке сидел маленький, тщедушный чело-

век и внимательно читал газету. Седая растрепанная грива его волос волной спадала на воротник засаленного сюртука; серая от седины, словно посыпанная молотым перцем, борода веером падала на грудь; горбатый, тонкий нос придавал его физиономии птичье выражение, а маленькие голубые глаза проворно бегали по газетным строкам. Вообще наружность этого человека была слегка комична, и лишь высокий, изрезанный морщинами лоб говорил, что за ним скрывается очаг могучей упорной мысли. Это был профессор Монгомери.

Сначала профессор пробежал газету со скучающим видом, словно ее содержание мало его интересовало, и он просматривал ее в силу привычки; но неожиданно лицо его побагровело; он швырнул на пол широкий серый лист и нервно зашагал по балкону, смешно, по-птичьи подпрыгивая на ходу.

— Какая мерзость! Какая гадость! — сердито забормотал он. — Наглецы! Бандиты! Бумагомараки!

Он подскочил к столу, нервно нажал грушу свисавшего над столом звонка, схватил газету и, сердито комкая ее тонкими обожженными кислотами пальцами, упал в качалку. Через несколько секунд послышался шум тяжелых шагов, и в рамке двери показалась массивная фигура женщины в строгом черном платье. Ее выпуклые желтые ястребиные глаза смотрели зорко и сурово, серые от седины волосы были зачесаны за уши, длинный, горбатый нос неудержимо стремился коснуться трехэтажного подбородка, тонкие бледные губы были презрительно сжаты; фигурой эта особа походила на кирасира, лицом — на самую мрачную ведьму с Брокена.

— Тетушка Джен, будьте добры, позовите Долли! — хмуро произнес профессор, продолжая комкать газету.

— Извините, мистер Монгомери, но это не входит в круг моих обязанностей! — густым басом прогудела тетушка Джен, — осмелюсь напомнить вам, что я обязана готовить пищу, убирать комнаты, охранять ваш покой, подавать на стол, открывать дверь посетителям, заведовать хозяйством, но мы никогда не говорили о роли курьера. Я служу у вас

десяток лет, пора бы вам это знать. Очевидно, вам придется нанять лакея!

Апломб, с которым мужественная особа произнесла эту тираду, слегка смутил Монгомери.

— Извините, тетушка Джен... — мягко заговорил он, — это в первый и последний раз. Я так взволнован! Мне испортила настроение эта проклятая газета! Мне необходимо переговорить с Долли. Если вас это затрудняет, я могу сам позвать ее.

— Чтобы это было в последний раз! — грозно произнесла тетушка Джен и величественно удалилась. Профессор опустил на грудь косматую голову и задумался. Он размышлял об испортившей ему настроение газетной заметке.

Какой-то ловкий репортер сочинил интервью с профессором, с великолепным апломбом писал о его страшных «лучах смерти», уверяя, что собственными глазами видел прибор с этими лучами. С веселым нахальством невежды он описывал этот прибор, который, по его описанию, внешним видом походил на пулемет; он писал, что вещество, испускающее «лучи смерти», найдено профессором случайно в горах Сьерра-Невады.

В конце статьи автор упоминал об опыте с павильоном и сообщал, что знаменитый изобретатель на днях уезжает в Центральную Африку: там он собирается произвести опыт с «лучами смерти» в более широком масштабе и превратить в пепел несколько больших селений дикарей-людоедов. Эта статья, с начала до конца полная грубой лжи, возмутила профессора Монгомери до глубины души. Он тщательно хранил тайну своего изобретения, в тиши своей лаборатории неутомимо работал над его усовершенствованием. Газетные репортеры с присущей им ловкостью и наглой стремительностью неоднократно пытались проникнуть к профессору, но все их попытки были безуспешны, а их стремительные натиски разбивались о гранитную непоколебимость тетушки Джен. Эти попытки начались уже на другой день после опыта с павильоном; но Цербер в юбке стойко преграждал вход в дом, и профессор мог быть спокоен... Пусть эти невежды думают что угодно об его откры-

тии; еще не настал час его обнародования. И теперь какой-то нахал, вероятно, отчаявшись проникнуть к изобретателю, сочинил статью, описав, может быть, в насмешку, наружность профессора, которого он и в глаза не видел...

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Профессор сжал кулаки и вскочил с качалки, но в этот момент у дверей послышались легкие шаги, и на балкон вышла молодая девушка в легком белом платье. Высокая и стройная, с огненными черными глазами, с пышными иссиня-черными волосами, небрежно закрученными в большой узел на затылке, с матово-смуглым цветом лица, с нежной улыбкой и ленивой грацией движений она походила на испанку.

— Ты меня звал, отец? — заговорила она, касаясь пальцами правой руки густой шевелюры профессора.

— Да, я хочу тебе кое-что показать, — ответил Монгомери, протягивая ей смятый газетный лист. — Посмотри, что обо мне пишут эти нахалы и невежды! Нет, не здесь, на четвертой странице! Второй столбец снизу...

Долли опустилась в качалку по другую сторону стола, заложила ногу за ногу и мельком пробежала глазами статью.

— Охота тебе волноваться из-за таких пустяков! — заговорила она, опуская газету на колени. — Что тут особенного? Обыкновенная газетная статья. Ты сам виноват, отец, если репортеру пришлось ее сочинить и наврать. Ведь ты отгородился какой-то китайской стеной от внешнего мира и никого не желаешь видеть. Ты мог бы, я полагаю, уделить полчаса сотрудникам газет, рассказать им, что можно, о твоём открытии. Тогда репортеру не было бы нужды сочинять.

— Ты ничего не понимаешь, Долли! — со вздохом огорчения перебил ее Монгомери. — Впрочем, чего же можно ждать от легкомысленной девицы... Ты больше интересуешься спортом и разной белибердой, вроде социалистических брошюр, чем наукой. Ты даже никогда не спросила о моих работах, о моих достижениях, о моем последнем открытии. Ты, моя единственная дочь, ничего о нем не знаешь...

— Это «лучах-то смерти»? — перебила его, вскакивая, Долли. — Ты прав, я ничего о них не знаю и не желаю знать. Ты изобрел прибор, посредством которого можно испепелить целые города и тысячи людей сделать несчастными... Что хорошего в твоём изобретении? Вот, если бы ты изобрел машину, которая бы способствовала счастьем человечества, тогда бы я непременно заинтересовалась, уверяю тебя. А то — «лучи смерти»! Бррр! Откровенно сказать, отец, я пока не верю в их практическое применение, а то бы я...

Молодая девушка замолчала, опустив глаза.

— Что бы ты сделала? Продолжай! — сердито вскричал профессор.

— Скажи, отец, что ты намереваешься предпринять с твоим изобретением? — вместо ответа спросила Долли, хлопывая газетой по колену.

— Что с ним сделаю? — задумчиво протянул профессор, — пока, сказать откровенно, я над этим не задумывался. Во-первых, мое открытие даст мне то, в чем мы оба нуждаемся, — деньги... Тебе известно, что мы живем на проценты с небольшого капитала. Мне не хватает средств для моих работ, и ты отказываешь себе в лишнем платье...

— Но я не чувствую себя от этого несчастной! — с ослепительной улыбкой перебила его Долли.

— Знаю! — произнес профессор, — но молодой девушке необходимо иметь много платьев и всяких блестящих штук, которые оттеняют ее наружность и делают ее более привлекательной. Несомненно, мое изобретение даст мне все, что я захочу: деньги, славу, власть. О, ты ничего не понимаешь, девчурка! Как-нибудь я поговорю с тобой подробнее об этом, а пока мне нужно работать.

Профессор встал с качалки, собираясь направиться в лабораторию, но Долли жестом остановила его.

— Одну минутку, отец! — заговорила она тихо, — я должна тебе кое-что сообщить. Я получила письмо от Тома Грея.

— Я не желаю ничего слышать об этом человеке! — вскричал сердито Монгомери, — я уже тебе говорил об этом добрый десяток раз! Я слишком тебя люблю, чтобы согла-

ситься выдать тебя замуж за этого голодранца! Ну, ладно, положим, ты выйдешь за него замуж. Как вы будете жить? Плодить нищих? Он — простой механик-самоучка, рабочий, да еще, вдобавок, заражен коммунистическими бреднями. Я не могу тебе дать денег, чтобы ты имела возможность содержать твоего мужа; видеть же тебя и моих будущих внуков нищими я не желаю.

— Том Грей не нищий! — гордо перебила его Долли. — Он работает на сталелитейном заводе в Блеквиле и трудом зарабатывает хлеб. Я тоже буду работать, и мы проживем...

— Глупости! — перебил ее сердито Монгомери, — глупости и бредни! Я понимаю, что романтическое сердце двадцатилетней девицы могла тронуть эта история на взморье! Взбалмошная девица выезжает в море на уютной гичке, не умея, как следует, грести и плавать; гичка переворачивается вверх дном... На сцену появляется спаситель — долговязый парень с мозолистыми лапами — и извлекает благополучно взбалмошную девицу из бездны морской... Словом, все — как в хорошем, честном романе. Я признаю, Долли, я признаю, черт меня побери, что Том Грей спас тебя от смерти, я верю этому, но из этого еще не следует, что ты должна выйти за него замуж. Я терпеть не могу романов! Зачем ты это хочешь сделать? Наплодить кучу нищих, как я уже говорил? Ты знаешь, какой кризис промышленности в Штатах, какой застой, какая колоссальная безработица. Сегодня Том Грей работает на заводе, завтра его уволят, и он умрет с голоду. Очень приятная перспектива, нечего сказать! Будь благоразумна, Долли, моя девчурка! Выкинь его из головы! Я не стесняю твоей свободы, ты бываешь всюду, где хочешь... Ты молода, красива и найдешь себе более подходящего жениха.

— Я выйду замуж только за Тома Грея! — спокойно и решительно произнесла Долли и направилась к двери.

Профессор Монгомери огорченно вздохнул и сердито пробормотал ей вслед:

— Ну, положим... Это еще мы посмотрим... Глупая девчонка!

VI

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Большой четырехместный «Форд» почти бесшумно подлетел к чутунной ограде сада профессора Монгомери и остановился у решетчатых ворот. Сидевший рядом с негром-шофером худой, длинный, бритый грум, в сером шелковом цилиндре и сером длинном пальто, выскочил из автомобиля. Он подошел к воротам, внимательно осмотрел их, толкнул узкую дверцу калитки с правой стороны ворот и вернулся к автомобилю.

— Ну? — отрывисто бросил ему сидевший в автомобиле Джим Маклин, нефтяной король.

— Ворота закрыты и заперты висячим замком, сэр! — почтительно, приподнимая цилиндр, ответил грум. — Калитка не заперта, сэр!..

Джим Маклин грузно вывалился из автомобиля, отрывисто бросил шоферу: «ждать здесь!» и мелкими шажками заковылял к калитке, которую распахнул перед ним предупредительно грум.

Джим Маклин поднялся по ступеням до ведущей в дом двери, прочитал надпись на карточке, усмехнулся, блеснув золотыми зубами, и решительно нажал кнопку звонка.

Через несколько секунд дверь широко распахнулась, и на пороге показалась внушительная фигура тетюшки Джен.

— Что вам угодно, мистер? — грозно прогудела она, ощупывая своими ястребиными глазами стоявшего перед ней толстяка.

— Я — Джим Маклин! Мне необходимо видеть профессора Монгомери, — прокрипел нефтяной король.

— Хотя бы вы были сам черт, вы его не увидите! — решительно заявила тетюшка Джен. — Вы грамотны? Вы читали надпись на дверях? Посторонитесь, иначе я вас расплющу дверью, толстый нахал!

Коротенькие ручки Джима Маклина одновременно опустились в карманы широкого серого пальто. В его правой руке блеснул «Кольт», в левой захрустела белая бумажка.

— Пропустите меня, чертова баба! — бешено захрипел он, направляя пистолет в монументальную грудь домоуправительницы и одновременно протягивая ей белую бумажку. — Берите деньги, здесь чек на тысячу долларов. Посторонитесь, или, клянусь хвостом сатаны, я всажу пару пуль в ваши дыни!

Тетушка Джен озадаченно таращила свои ястребиные глаза на маленькое круглое отверстие в стволе автоматического пистолета и на беленькую бумажку. Цифра в тысячу долларов произвела на нее не меньшее впечатление, чем страшное оружие, и в первый раз в жизни ее гранитная стойкость была разбита.

— Наверх по лестнице во второй этаж! — простонала она, протягивая к чеку дрожащую руку, — по коридору вторая дверь налево. Профессор на балконе.

Джим Маклин вручил ей чек, сунул «Кольт» в карман, отдуваясь, поднялся по лестнице во второй этаж, прошел по светлому, широкому коридору, открыл вторую дверь и, очутившись в большой квадратной комнате, огляделся. По видимому, эта комната служила столовой. Посредине стоял длинный стол, у стен — стулья с высокими, резными спинками и высокий, мореного дуба, буфет, сквозь стекла которого тускло поблескивала посуда.

Джим Маклин вышел на балкон и увидел в качалке фигуру профессора. Монгомери сидел, опустив на грудь косматую голову, и размышлял о недавнем разговоре с Долли. Появление нефтяного короля произвело на него впечатление неожиданного разорвавшейся бомбы; он вскочил и несколько секунд озадаченно рассматривал незваного гостя.

— Что вам нужно? Как вы смели явиться сюда! — закричал он, наконец.

— Я хочу с вами побеседовать, уважаемый профессор, — проскрипел, приподнимая цилиндр и направляясь к нему, нефтяной король. — Я давно жаждал...

— К черту! — яростно перебил его профессор. — Так это вы — тот писака, тот наглец, который в сегодняшней газете осмелился наврать про меня в три короба. Я вас сброшу с лестницы! Я вас уничтожу!

Джим Маклин удивленно взглянул на него, спокойно опустился в качалку, поставил свой цилиндр на стол, достал портсигар и, протягивая его профессору, проскрипел:

— Вы курите? Прошу! Очень неплохие сигары, у веряю вас. Я их получаю непосредственно из Гаваны. Не желаете? Как угодно! — и он спокойно закурил. Его размеренные, уверенные движения и непоколебимое спокойствие несколько охладили пыл профессора.

— Позвольте вам заявить, джентльмен! — уже более спокойным тоном произнес он, опускаясь в качалку, — что я не имею ни малейшей охоты беседовать с вами. Я терпеть не могу репортеров.

— О, я их тоже недолюбиваю! — усмехнулся нефтяной король, выпуская облако голубоватого дыма и откидываясь на спинку качалки. — Продажные души и ввали отчаянные!

— Так вы не репортер? А я думал... — озадаченно вскрикнул Монгомери.

— Вы приняли меня за репортера? Ха, ха, ха! Это забавно! — проскрипел Маклин, и его жирное тело затряслось, как студень, в припадке безумного смеха.

— Так кто же вы такой? — сконфуженно спросил Монгомери.

— Я — Джим Маклин. В моих руках сосредоточены все нефтяные предприятия Штатов. Я стою двадцать миллиардов долларов! — гордо ответил нефтяной король.

— Кто бы вы не были, вы не имеете права врываться в мой дом! — петушился профессор.

— Без важных причин, без дела я не явился бы к вам. Я хочу купить ваше изобретение, ваши «лучи смерти», — проскрипел Маклин.

Профессор молча воззрился на незваного гостя.

— Да вы сумасшедший, дорогой мой! — полусердито, полусмеясь, вскричал он. — Купить мое изобретение! Но захочу ли я его продать? — Это еще вопрос!

— Предлагаю вам за него миллион долларов! — весело сказал нефтяной король.

— Ни за что! Ни за миллиард! Ни за все алмазы Голконды! Ни за все сокровища индусских раджей! Ни за все золото в мире! — насмешливо вскричал Монгомери. — Отчаливайте, почтеннейший! Убирайтесь вон, я ничего не продаю!

— Я вам предлагаю полтора миллиона! — проскрипел Маклин.

— Нет!

— Я вам даю два! Слышите, два миллиона!

— Нет, нет, нет! Тысячу раз нет! Убирайтесь подобру, поздорову!

— Это ваше последнее слово?

— Самое последнее! Больше я не желаю с вами разговаривать. К черту!

Джим Маклин побагровел от досады, схватил свой цилиндр и направился к двери.

— Я надеюсь, вы поразмыслите над этим и позвоните мне по телефону! — проскрипел он, останавливаясь в дверях.

— Вон! — бешено закричал профессор.

Джим Маклин выскочил в коридор, с несвойственной ему живостью спустился с лестницы и молча прошел мимо распахнувшей ему дверь тетушки Джен. Очутившись у ограды, он вытер носовым платком багровое лицо, ввалился в автомобиль и сердито буркнул шоферу:

— Домой! —

«Форд» сорвался с места и с легким потрескиванием заскользил по мостовой.

VII

ПЛАН МИСТЕРА БУНСА

Кабинет Джима Маклина, нефтяного короля, был обставлен более чем скромно и носил чисто деловой характер. Яркий дневной свет вливался в просторную комнату сквозь стекла двух венецианских окон; посередине стояли рядом два открытых, заваленных бумагами бюро; у стены — широкий кожаный диван и белого клена книжный шкаф, сквозь стекла которого сияли золотом на корешках толстые тома справочников. У плотно закрытой двери, на коричневой обивке белела дюжина кнопок от звонков, соединявших кабинет с различными покоями громадного особняка на Пятой улице. Полдюжины кожаных, белого клена кресел, в беспорядке расставленных по кабинету, дополняли его обстановку. Джим Маклин, заложив пухлые руки в карманы серого пиджака, расхаживал по кабинету, шаркая ногами по дороговому ковру. Его бритое лицо было мрачно и задумчиво; по-видимому, он обдумывал очень важный ход в жизненной игре. По временам он подходил к окну, бросая взгляд вниз, на копошившийся человеческий муравейник на улице, подбегал к бюро, хватал первую попавшуюся бумагу и снова швырял ее на прежнее место. Человек, которому был известен характер нефтяного короля, увидев его в этот момент, подумал бы, что Маклин проявляет совершенно несвойственную ему нервность, словно сейчас должна решиться его судьба. Наконец, толстые красные червяки его губ сложились в гримасу, изображавшую улыбку; он подошел к стене и нажал кнопку под номером 2. Через минуту в комнату проскользнул среднего роста, худощавый молодой человек в изящном сером костюме. Его огненно-рыжие волосы были тщательно разделены пробором и прилизаны на впалых висках; на веснушчатом, бритом лице водянисто-голубые, выпуклые глаза напоминали кукольные отсутствием выразительности.

— Звали, мистер Маклин? — отрывисто спросил он, останавливаясь в дверях.

Нефтяной король плюхнулся в кресло, пододвинул поближе к себе другое и также отрывисто произнес:

— Садись, Бунс...

Бунс небрежно развалился в кресле и выжидательно уставился своими кукольными глазами на нефтяного короля.

— Вы, конечно, помните профессора Монгомери? — спросил, закуривая сигару, Маклин.

— Конечно! — ответил, закладывая ногу на ногу, Бунс, — это — тот самый чудак, о котором два месяца тому назад вы поручили мне собрать сведения. Вчера я вырезал из «Геральда» очень любопытную статейку об этом чуде и его открытии, полагая, что она может вам пригодиться.

— Дело очень серьезное, Бунс! — перебил его нефтяной король, — вы — мой главный секретарь, вы состоите членом нашей Ассоциации Капиталистов и, конечно, я от вас ничего не скрываю. Вам известны все мои тайны, и я намерен посвятить вас еще в одну. Вчера я был у профессора Монгомери, предлагал ему два миллиона за его открытие. Зачем я это сделал — вы, конечно, догадываетесь. Нам, во что бы то ни стало, необходимо иметь в руках это страшное оружие. Но, можете себе представить, Бунс, этот чудак категорически отказался продать свое изобретение. Повторяю, оно должно быть в наших руках. Вам известно, что будущее чревато грозными событиями, и не сегодня-завтра рабочие, которые теперь прекрасно организованы, поднимут восстание. На армию мы положиться не можем, полиция малочисленна. Только «лучи смерти» могут обеспечить нам победу. Иначе — все полетит к черту! Теперь, я полагаю, вам понятно все. Если профессор не желает продать свое изобретение за деньги, мы должны найти способ заставить его, так или иначе, предоставить это страшное оружие в наше распоряжение. Как раз перед вашим приходом я кое-что придумал. У профессора есть дочь, которую он безумно любит. Нужно похитить девушку, и тогда старый осел согласится на все наши условия. Разработать детали этого

плана и привести его в исполнение я поручаю вам, Бунс. Вы — мастер на такие дела. В расходах можете не стесняться. Даю вам полчаса на разработку плана. Через полчаса я жду вас здесь. Поняли?

— Понял. Но позвольте, уважаемый патрон, выяснить еще кое-что... — заговорил Бунс, мигая белесоватыми ресницами. — Вы не приняли, мне кажется, во внимание весьма важного обстоятельства. Ведь полиция и суд не поглядят меня по головке, если я украду дочь известного профессора. Что эта штука выплывет наружу — я более чем уверен. Вам ведь известна постановка сыского дела в Штатах... Как я ловко не действуй, все-таки...

— Вы — молодой осел, Бунс! — нетерпеливо перебил его нефтяной король. — Позвольте вас спросить: когда вы свалились с луны, вы не очень ушиблись? Очевидно, полет с луны на землю взболтал порядком ваши мозги! Я был лучшего мнения о вашей сообразительности, клянусь нефтью! Вам должно быть известно, что, если я заинтересован в деле, ни суд, ни полиция и пальцем не шевельнут. Судья скорее привлечет к ответственности похищенную девушку, чем ее похитителя. Я, на всякий случай, сегодня же вызову инспектора тайной полиции и переговорю с ним. Словом, я вам гарантирую полную безнаказанность.

— Тогда все в порядке, патрон! — вскричал секретарь, весело потирая руки. — Через полчаса я буду здесь с готовым планом.

Он сорвался с места и исчез в дверях.

Джим Маклин подошел к бюро и углубился в чтение секретных сообщений директоров бесчисленных нефтяных предприятий, разбросанных по всей Америке. Эти сообщения были весьма неутешительного свойства. Рабочие и мелкие служащие волновались, требуя увеличения заработной платы; кое-где вспыхивали забастовки, и были кровавые столкновения рабочих с полицией. Усиливалась коммунистическая пропаганда; крепили рабочие организации; увеличивалось количество коммунистических газет, несмотря на репрессии и препятствия, чинимые властями.

Книга с аккуратно наклеенными свежими газетными вырезками была полна сообщений о росте коммунистического движения во всем мире, о колоссальном кризисе промышленности, о хозяйственной разрухе в Европе и о процветании Мекки и Медины международного пролетариата — Советской России.

Нефтяной король злобно швырнул книгу на пол, бешено закусил золотыми зубами кончик потухшей сигары и упал в кресло. В этот момент в дверях показалась тощая фигура рыжего секретаря.

— Ну, — выжидательно уставился на него Маклин.

Бунс не спеша развалился в кресле с видом человека, знающего себе цену, и заговорил, растягивая слова:

— Готов, патрон! План недурен, смею вас уверить. Можете считать, что птичка уже в клетке!

— Не болтать чепухи! К делу! — нетерпеливо перебил его Маклин.

— Ладно, — хладнокровно отозвался Бунс, — я продолжаю. Два месяца тому назад, когда я собирал по вашему поручению сведения о профессоре, я попутно разузнал кое-что об его дочери. Эта милая девица имеет жениха, какого-то механика. Этот джентльмен, кстати, зараженный коммунистическим духом, работает на заводе в Блеквиле и часто пишет письма мисс Монгомери. Мой помощник Крукс великолепно подделает почерк этого прокопченного дымом Ромео. Крукс — артист в своем роде. Мы вызовем письмом от имени жениха мисс Монгомери, посадим ее среди белого дня в наемный автомобиль, умчим ее в заранее приготовленное гнездышко, и там прекрасная Джульетта с недельку помечтает о своем Ромео и поразмыслит о бренности земного существования. А я тем временем напишу ее дражайшему родителю письмо от имени шайки бандитов с требованием миллионного выкупа за дочь. Старик, разумеется, вспомнит о вашем предложении, патрон, и дело будет сделано. Мы будем вне подозрений, вы получите изобретение этого чудака почти даром, так как миллион вернется в вашу кассу. Конечно, тысяч десять придется израсходовать на организацию похищения, но это пустяки.

— Ладно! — проскрипел Маклин, швыряя на ковер окурок потухшей сигары. — Но каким образом вы подделаете подпись? Разве у вас имеются письма жениха мисс Монгомери?

— Ну, их не так трудно достать. Закоптелый Ромео, очевидно, пишет ей в день два раза. У влюбленных так принято. К ящику, висящему на дверях, легко подобрать ключ, а ловкий парень может каждый день проверять там корреспонденцию раньше, чем это заблагорассудится сделать этой ведьме-тетушке Джен или самой мисс Монгомери. А пока — честь имею кланяться, патрон! — и ловкий секретарь бесшумной тенью выскользнул из кабинета.

— Из этого парня будет толк, — пробормотал ему вслед нефтяной король, закуривая сигару.

VIII

В ЛЕЧЕБНИЦЕ ДОКТОРА БАРЛОУ

Через три дня после этого разговора со своим патроном, рано утром рыжий секретарь вышел из подъезда громадного особняка на Пятой улице и, заложив руки в карман широкого светло-коричневого пальто, быстро зашагал по панели. Поднятый широкий воротник совершенно скрывал его веснушчатое лицо, и из-под нахлобученного на самый лоб козырька коричневой кепки кукольные глаза внимательно ощупывали шумную улицу с бешено-мчавшимися автомобилями и спешившими, сломя голову, пешеходами. Стекланный взгляд мистера Бунса остановился на закрытой, блестящей черной свежей лакировкой каретке маленького «такси», стоявшего на углу. На сидении за рулем сидел молодой, смуглолицый шофер в кожаной куртке и кожаной фуражке и курил коротенькую трубку, лениво скользя взглядом карих, плутовских глаз по фигурам пробежавших мимо пешеходов.

Мистер Бунс подошел к нему и отрывисто произнес:

— Алло, приятель! Хотите заработать сто долларов?

— Что я должен для этого сделать? — отозвался шофер, вынимая трубку изо рта и внимательно вглядываясь в его полужакрытое воротником, веснушчатое лицо.

— Исполнять мои распоряжения и забыть после того, как мы с вами расстанемся, о нашем знакомстве! — внушительно ответил Бунс.

— Ладно! Я, вообще, никогда не интересуюсь делами моих пассажиров... — произнес шофер, скаля белые зубы. — Если даже вы собираетесь кого-нибудь ограбить и удрать на моем «такси», и то я не буду протестовать... Только, разумеется, плата будет другая...

— О, нет, здесь просто маленькое любовное приключение... — небрежно протянул рыжий секретарь.

— Это меня не касается. Куда прикажете ехать, джентльмен?

— Пока прямо, а потом я вам скажу, — ответил Бунс, вскакивая на сиденье рядом с шофером.

Шофер завел мотор; «такси» с характерным постукиванием рванулся вперед и плавно покатился по мостовой, среди быстро мчавшегося непрерывного автомобильного потока. Мимо мелькали, уплывая назад, массивные громады небоскребов; высокие фонарные столбы бешено мчались навстречу, и легкий ветерок освежал веснушчатое лицо мистера Бунса, по временам отрывисто бросавшего шоферу:

— Направо! Прямо! Налево! Направо! Вперед! — «Такси» промчался мимо серых громад фабрик и заводов предместья, влетел на широкое шоссе с матовой зеленью садов по обеим сторонам, и, наконец, Бунс командовал:

— Стой! К красному дому направо! |

«Такси» застопорил ход и медленно подплыл к высокой чугунной ограде, за которой виднелось красное кирпичное здание, тонувшее в зелени пустого сада.

— Ждите здесь! — отрывисто бросил шоферу мистер Бунс; он выскочил из автомобиля и направился через настежь раскрытые ворота к подъезду. Величественный, бритый швейцар в длинной, синей расшитой галуном ливрее и синей фуражке с пестрым околышем почтительно распахнул перед ним стеклянные створки дверей.

— Доктор Барлоу дома? — отрывисто спросил Бунс.

— Так точно, сэр! Пожалуйста, сэр!

Швейцар, путаясь в длинной ливрее, подбежал к лифту и распахнул дверь кабинки. Бунс вошел и уселся на обитое голубым плюшем сиденье; дверь захлопнулась, и кабинка полетела вверх. Легкое сотрясение, и дверь автоматически распахнулась. Мистер Бунс вступил в широкий, выкрашенный белой масляной краской коридор, на желтом крашеном полу которого сияла узкая белая дорожка линолеума. Слева в стене виднелось несколько обитых войлоком узких дверей; справа — забранные тонкой сетью металлической решетки окна.

— Что вам угодно, джентльмен? — услышал Бунс пискливый голос и оглянулся. Из глубины коридора к нему подходил маленький бритоголовый толстяк в белом халате с круглым румяным лицом, на котором окладистая, иссиня-черная борода топорщилась, словно приклеенная, и тускло мерцали толстые, круглые стекла очков в роговой оправе.

— Я хочу видеть доктора Барлоу... — отозвался Бунс.

— Я — к вашим услугам. Пожалуйста за мной... — пропищал толстяк и с несвойственной его толщине живостью заскользил по коридору. Бунс молча последовал за ним.

Доктор Барлоу открыл одну из обитых войлоком дверей и проговорил:

— Вот сюда. Здесь нам никто не помешает...

В узкой комнате, освещенной большим круглым окном, забранном металлической решеткой, стоял круглый стол, вокруг которого было расставлено четыре кожаных, в стиле «ампир», кресла. Пузатое закрытое бюро виднелось у стены рядом с маленьким столиком, на котором валялась растрепанная груда иллюстрированных журналов. Ножки мебели напоминали изогнутые передние ноги породистого бульдога; по-видимому, толстяк-доктор питал слабость к округлым линиям.

— Дело, видите ли, вот в чем, доктор... — усаживаясь в кресло у стола и привычным движением укладывая ногу на ногу, заговорил Бунс, — я хотел бы поместить к вам одну молодую девицу.

— Очень хорошо, джентльмен! — вскричал доктор, потирая пухлые руки и сияя стеклами очков, — помещения — самые удобные, полный комфорт, уход за больными самый тщательный и самый новейший метод лечения. Абсолютная тишина, великолепный сад для прогулок, если, разумеется, эта особа не из буйных; все удобства! Сейчас у меня в лечебнице десятка три буйных, как пьяные матросы, больных, но вы не услышите ни звука ни в одном коридоре.

— Позвольте, доктор! — перебил его со скучающим видом Бунс. — Тут, видите ли, есть обстоятельства, которые

покажутся вам несколько странными. Дело в том, что девушка совершенно нормальна и здорова, но ее необходимо, помимо ее желания, изолировать от вредного влияния близкого ей человека дней на десять. Через десять дней она оставит вашу лечебницу! Предположите, что в этой истории имеется романтическая подкладка. Конечно, все это должно остаться тайной, это в наших общих интересах.

— Ладно, — пропищал доктор, — я понимаю... Две тысячи долларов и деньги вперед. Ни цента меньше!

— Получите, — со вздохом протянул ему чек мистер Бунс, — девушку я привезу к вам сегодня вечером, но помните: одно лишнее слово, и вам не поздоровится!

— Будьте покойны! — взглядывая на подпись на чеке, пропищал Барлоу. — Я уже знаю, с кем имею дело. Тайна гарантирована. Не в первый раз приходится мне обделять такие делишки. Поэтому я не скрою от вас, что девятюсто процентов моих пациентов такие же сумасшедшие, как и мы с вами. А остальные десять процентов сошли с ума уже после того, как их ко мне доставили. Их тоже изолировали от различных вредных влияний, главным образом, коммунистических, хе, хе, хе...

— Еще одно слово! — быстро перебил его Бунс, — девушка придет к вам повидать своего жениха, сломавшего ногу и находящегося у вас на излечении. Вы проводите ее в заранее приготовленное помещение, и — дело в шляпе.

— Я помещу ее в этой самой комнате, — заявил Барлоу, — здесь уютно, окно выходит в сад, решетка великолепная, дверь запирается автоматически надежным запором. Только придется поставить койку, но это — пустяки.

— Ладно! — отрывисто буркнул Бунс, вскочил и выбежал из комнаты, как человек, не желающий терять ни секунды драгоценного времени, чтобы поскорее кончить выгодное дельце.

— Я вернусь к вечеру с дамой! — бросил он на ходу изогнувшегося в почтительном поклоне швейцару, выбежал из подъезда и снова вскочил на сиденье автомобиля рядом с шофером.

Снова замелькали навстречу «такси» фонарные столбы и серые громады зданий. Снова отрывисто командовал молчаливому шоферу мистер Бунс:

— Направо! Вперед! Налево! Прямо!

«Такси» нырнул в туннель моста под полотном воздушной железной дороги, пролетел мимо чугунной ограды, окружавшей сад профессора Монгомери, завернул за угол, и рыжий секретарь скомандовал:

— Стой! Подождите здесь!

Шофер остановил машину и закурил трубку.

IX

ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО

Мистер Бунс выскочил из автомобиля и медленно стал прохаживаться мимо чугунной ограды с видом праздного фланера, столь необычного в деловом американском городе. Пробегавшие мимо пешеходы подозрительно косились на него, принимал его за сыщика. Мистер Бунс нервничал, курил папиросу за папиросой и поминутно щелкал крышкой золотого хронометра. Наконец, часа через два, когда терпение его истощилось, и он собирался забежать в ближайшее кафе закусить, в подъезде профессорского дома показалась высокая фигура девушки в белом платье и белой широкополой шляпе. Мистер Бунс двинулся ей навстречу и, почтительно приподняв кепи, спросил:

— Мисс Монгомери, если не ошибаюсь?

— Да, это я, — просто ответила девушка, вглядываясь смелым взглядом агатовых глаз в веснушчатое лицо секретаря. — Что вам угодно?

Вместо ответа мистер Бунс достал из кармана широкого пальто письмо и подал его девушке. Долли быстро взглянула на адрес, разорвала конверт и углубилась в чтение письма. Бунс внимательно наблюдал нею. Сначала ее полные губы чуть тронула улыбка, потом кровь отхлынула с ее смуглых щек, и белый листок задрожал в загорелой руке. Она вскинула огненные глаза на секретаря и быстро спросила с легкой дрожью в голосе:

— Это не опасно? Как это произошло?

— Видите ли, мисс, мы с Томом старые приятели, вместе работали на заводе, когда он еще жил в Нью-Йорке, — ответил почтительно Бунс. — Он вчера вечером приехал из Блеквиля и заехал сразу ко мне. Спускаясь с лестницы, поскользнулся и сломал ногу. Я перевез его и лечебницу. Нога — в гипсе; доктор уверяет, что дней через десять все будет в порядке, и Том сможет танцевать и играть в футбол.

Не беспокойтесь, мисс.

— Я хочу сейчас же его видеть! — решительным тоном заявила Долли.

— За углом меня ждет таксомотор, он к вашим услугам, — почтительно произнес мистер Бунс.

— Я только что собиралась отнести письмо Тому в отделение воздушной почты, — говорила Долли, направляясь вместе с Бунсом к таксомотору. — Он мне писал, что собирается приехать, но я не ждала его так скоро. Бедный Том!

— Не беспокойтесь мисс; Том выглядит молодцом, он весел и беспечен, только злит его, что он не может сам навестить вас и должен валяться в постели, — рассказывал Бунс, подходя к «такси» и махнув рукой молчаливому шоферу. Тот соскочил с сиденья и предупредительно распахнул дверцу каретки. Долли впорхнула в автомобиль; дверца захлопнулась; Бунс уселся рядом с шофером и отрывисто бросил ему:

— Жарьте вовсю! Прежним путем!

«Такси» полетел снова прежней дорогой.

Молодая девушка в каретке «такси» нервно сжимала руки и сгорала от нетерпения. Ей и в голову не приходило, что она может стать жертвой обмана: письмо было написано знакомым, размашистым почерком. Том сообщал о случившейся с ним маленькой неприятности, рекомендовал, как своего старого друга, подателя письма и просил Долли приехать. Может быть, при обычных условиях лицо мистера Бунса показалось бы ей несимпатичным, может быть, она обратила бы внимание на слишком длительную езду и заметила бы в окно каретки путь, по которому мчался таксомотор, но теперь ее мысли были заняты Томом, и тревога любящей девушки лишила ее присущей ей наблюдательности. Неожиданно «такси» остановился; дверца каретки отворилась, и голос мистера Бунса произнес со всей любезностью, на какую был только способен этот джентльмен:

— Соболаговолите выйти, мисс; мы приехали.

Молодая девушка, поглощенная своими мыслями, не обратила внимания на странную вывеску красного здания, не ответила на почтительный поклон швейцара, не замети-

ла, как взлетевшая вверх кабинка лифта доставила ее вместе с Бунсом в широкий коридор с обитыми войлоком дверьми.

Доктор Барлоу вышел к ним навстречу.

— Пожалуйте, мисс, — пропищал он, отворяя дверь и комнату, где он недавно беседовал с рыжим секретарем, — соблаговолите подождать; я должен предупредить больного о вашем приходе.

Долли вошла и, не обращая внимания на странную обстановку и забранное решеткой окно, опустилась в кресло. Минуты казались ей часами; она взяла со столика иллюстрированный журнал, нервно перелистала его и швырнула на прежнее место. Гробовая тишина, царившая кругом, начинала на нее действовать угнетающим образом. Она вскочила, подошла к двери, нажала на круглую медную ручку, но дверь не поддавалась ее усилиям. Все еще не подозревая западни, Долли сильно постучала в дверь кулаком. Что-то щелкнуло, в середине двери образовалось круглое отверстие в четверть аршина в диаметре, и в нем тускло засияли круглые стекла очков.

— Успокойтесь, мисс, — послышался пискливый голос толстяка-доктора, — вам не сделают никакого зла. Через неделю вы вернетесь домой, клянусь честью. А пока не волнуйтесь; все будет хорошо...

— Что это значит! — с негодованием вскричала Долли, — где Том Грей?

— Успокойтесь, он в безопасности... — ответил Барлоу. — Там на столе — журналы, пока займитесь ими. Через час вам дадут обед.

Снова послышалось щелканье, и круглое отверстие в двери закрылось. Долли бросилась к окну, убедилась, что оно забрано крепкой решеткой, и бессильно упала в кресло.

Только теперь она поняла, что сделалась жертвой какой-то темной махинации. Она достала письмо, тщательно взглянула в его черные строки и вздохнула: почерк был похож на почерк Тома, но от белого листка исходил легкий запах дорогих духов, которых никогда не употреблял Грей. Долли закрыла руками побледневшее лицо и задумалась.

ТОМ ГРЕЙ ВСТРЕЧАЕТ ДРУГА

Высокий парень с сухим, бритым лицом, одетый в серый пиджак, из рукавов которого вываливались сильные, заскорузлые кисти рук, в серых потертых брюках и смятой серой кепке подошел к подъезду дома профессора Монгомери и остановился, не сводя с двери смелых серых глаз. Он простоял с минуту неподвижно, потом решительно нажал кнопку звонка.

— Кто там? Что угодно? — послышался сердитый голос тетушки Джен; дверь распахнулась, и на пороге показалась массивная фигура домоправительницы, загораживая вход.

— Вы — тетушка Джен? — быстро заговорил незнакомец, — Долли много о вас рассказывала; обо мне, вероятно, вы тоже слышали. Я — Том Грей.

Суровое выражение лица тетушки Джен смягчилось, и она слезливо забормотала:

— Ах, боже мой! Том Грей! Ах, мистер Грей, какое несчастье! Ведь мисс Долли пропала! Исчезла из дому ровно пять дней тому назад, — и с тех пор о ней ни слуху, ни духу! Ее похитили!

— Как! — вскричал Грей, в волнении отступая от тетушки Джен, — как похитили? Не может быть! Каким образом?

— Я не могу вам этого сказать, мистер Грей, — слезливо ответила домоправительница. — Откровенно говоря, мистер Монгомери был уверен, что она уехала к вам в Блеквиль, и страшно рассердился. Поэтому он ничего не сообщил полиции. Но я, конечно, знала, что вы тут не причем. Долли со мной вполне откровенна и не скрыла б от меня, если бы она собралась уехать. Пять дней тому назад она пошла на почту и не вернулась.

— Это было ночью? — быстро спросил Грей.

— Днем, мистер Грей. В три часа дня.

— Странно! — пробормотал задумчиво Грей, — похищение среди белого дня! Тут что-то не так!

— Не знаю, ничего не знаю... Ничего больше не могу вам сообщить... Бедная Долли! — всхлипнула тетушка Джен, смахивая белым фартуком слезу, дрожавшую на кончике ее клювообразного носа.

— Я хотел бы видеть профессора! — помолчав, заявил Грей.

— Не советую! — отозвалась тетушка Джен, — могут выйти большие неприятности и для меня и для вас. Профессор находится в возбужденном состоянии и страшно нервничает. Это понятно, мистер Грей. Долли — единственная дочь, любимое дитя. Вас же он терпеть не может. Вы меня извините, но я вам это должна сказать. Он убежден, что вы кое-что знаете о ее исчезновении.

— Ваш профессор — старый осел! — сердито перебил ее Том Грей и, повернувшись на каблуках, быстро зашагал к воротам. Он шел по улице, опустив голову, и терялся в догадках.

Куда же могла исчезнуть Долли? Обычно она бывала только у подруг, и профессор имел возможность в любой момент справиться о ней по телефону. Ловкий в обращении с машинами и привычный к тяжелому труду Том Грей совершенно не умел разбираться в сложных интригах и не обладал способностями сыщика. Перед ним стояла гранитная, непроницаемая стена, за которой крылась тайна исчезновения Долли, но, тем не менее, он решил сейчас же приступить к розыскам, хотя и не знал, с чего начать. Тревога за любимую девушку не убила в нем энергии; непроницаемая завеса, скрывавшая тайну, не смущала его; и с самонадеянностью молодости он почему-то был уверен в успехе. Не может быть, чтобы дочь известного профессора, сильная, энергичная девушка, пропала в городе, как иголка в сене. Лишь одно обстоятельство смущало Тома Грея: он должен был завтра во что бы то ни стало вернуться в Блеквиль.

Сильный удар по плечу прервал нить его размышлений и заставил поднять голову: перед ним стоял смугло-

лицый парень в кожаной куртке и весело скалил белые зубы.

— Черт возьми! — радостно вскричал Грей. — Бен Смок! Старый дружище!

— Он самый, Том! — весело отозвался человек в кожаной куртке, стискивая его руку в своей заскорузлой руке.

— Сажу на моем «такси», зеваю по сторонам; вдруг взглянул на одного проходящего джентльмена — и глазам не верю! Сам Том Грей бредет, опустив голову, как перед казнью. Что с тобой, старина?

— Об этом после поговорим, дружище! — отозвался Том, — лучше расскажи, как ты поживаешь?

— Живу помаленьку! Да вот что, Том! Там стоит мой «такси»: поедem в кафе, выпьем по стаканчику и вспомним доброе старое время, когда мы вместе с тобой болтались в Нью-Йорке. Там поболтаем, как следует. Черт побери! Годы три мы с тобой не видались.

Они направились к стоявшему на углу «такси».

Бен Смок уселся на руль, Грей поместился рядом с ним, и автомобиль с ревом сорвался с места, вклиниваясь в общий бешено мчащийся поток моторов.

ХІ

ПО СЛУЧАЙНО НАЙДЕННОМУ СЛЕДУ

Бен Смок и Грей молчали, обменивались взглядами, в которых сквозила затаенная нежность старых друзей, встретившихся случайно после длительной разлуки. «Такси» остановился у подъезда маленького кафе; друзья соскочили на мостовую, вошли и уселись за столик. Кафе пустовало. За высокой стойкой меланхолически клевал носом толстяк хозяин; в углу сидели два бритых официанта в синих фраках и тихо перешептывались; серая паутина дремотной тишины обволакивала маленький зал с рядом мраморных столиков.

— Два грога! — гаркнул Бен Смок.

Оба официанта одновременно сорвались с места, помчались к буфету, и через несколько секунд перед друзьями очутились два стакана с желтоватой, дымящейся влагой.

— Значит, я должен первый рассказывать! — весело осклабился Смок, набивая коротенькую трубку. — Ладно! С тех пор, как нас с тобой вытряхнули с треском из завода Голанда за коммунистическую пропаганду, и ты успел уехать в Блеквиль, я мотался месяц без работы, потом наворачивал грузчиком в порту, был чистильщиком сапог и, наконец, после всяческих мытарств, взял в рассрочку «такси». Дела, нужно тебе сказать, не особенно важны, так как таксомоторов этих самых развелось до чертиков. Впрочем, случается, что изредка зашибешь шальные деньги, если запутаешься в какую-нибудь любовную историю с приключениями... Вот, например, на прошлой неделе хватил сразу сто долларов чистоганом. Потеха! Рыжий парень, с лицом, как галчиное яйцо, с видом заговорщика, погнал меня сначала в лечебницу доктора Барлоу, оттуда с самым таинственным видом к дому чудака Монгомери, а потом...

— Постой! — взволнованно перебил его Грей, — ты говоришь, к дому Монгомери! Профессора Монгомери?

— Ну, да! Я отлично знаю этот дом, так как возил к нему однажды пару болтливых, как сороки, репортеров «Герольда». Не очень-то любезно встречает профессор подобных джентльменов; оба вылетели от него, как ошпаренные кипятком...

— Во имя дьявола, Смок! — дрожащим от волнения голосом вскричал Грей. — Говори, кого ты повез от дома профессора на прошлой неделе?

— Как? Да того же рыжего черта и мисс...

— Высокая брюнетка с черными глазами? — быстро и нетерпеливо перебил его Грей.

— Ну, да! А ты откуда знаешь, кого я возил? — открыл рот от удивления веселый шофер.

— Смок, это моя невеста! Мы давно любим друг друга! — взволнованно отозвался Грей. — Скажи, когда это было? В четверг? Ну, как раз в этот день она исчезла. Ее похитили, Смок!

— Похитили? — лукаво усмехаясь, протянул шофер. — Я не хотел бы огорчать тебя, дружище, но должен тебе сказать, что ты порешь ерунду. Мисс поехала совершенно добровольно. Среди белого дня не похищают девиц. Постарайся о ней забыть, Том...

— Довольно, Смок! — резко перебил его Грей, — я хорошо знаю Долли и верю ей больше, чем себе самому. Она не из таких. Так ее повезли в лечебницу? Ты помнишь, где эта лечебница находится?

— Ну, еще бы! Я не слепой!

— Вот что, Смок: будь другом, довези меня до этой лечебницы. Клянусь, я сегодня узнаю все. Если Долли похитили — я заставлю заговорить камни! — решительным тоном произнес Грей, вскакивая со стула и швыряя на стол серебряную монету.

— О чем тут толковать? Едем! — спокойно отозвался Смок. Друзья вышли из кафе, уселись в автомобиль, и «такси» снова полетел по улицам.

— Скорее, Смок, дружище! — торопил шофера Грей.

Все его существо напоминало котел, наполненный паром до отказа и готовый ежесекундно взорваться. Жажда

борьбы наполняла его грудь; мускулы его тела напряглись, и серые, смелые, широко расставленные глаза светились угрозой.

— Здесь! — произнес Смок, останавливая мотор у ворот красного здания.

Грей соскочил с сиденья на мостовую.

— Одну минутку, Том! — остановил его Смок, — револьвер у тебя в порядке?

— Девять патронов в обойме и десятый в стволе, — отозвался Грей, ощупывая карман брюк, — угощения хватит!

— Значит, все хорошо! Валяй, старина! Я буду наготове, и, если ты будешь шуметь, я сумею поспеть вовремя! — проговорил Смок.

Том Грей быстро подошел к подъезду, мельком взглянул на вывеску и позвонил.

— Мне нужно видеть доктора Барлоу! — отрывисто бросил он открывшему ему дверь швейцару.

— По какому делу, джентльмен? — окинув любопытным, оценивающим взглядом его потертый костюм, осведомился швейцар.

— Не ваше дело! — сердито оборвал его Грей, — как к нему пройти?

— Пожалуйста, сэр! — огорошенный его решительным тоном почтительно изогнулся швейцар, открывая кабинку лифта.

В коридоре, очевидно, предупрежденный звонком швейцара снизу, навстречу Тому Грею вышел доктор Барлоу и выжидательно уставился своими совиными очками на неожиданного гостя.

— Вы — доктор Барлоу? — отрывисто спросил Грей, подходя к нему вплотную.

— К вашим услугам, джентльмен! — кивнул головой Барлоу.

— В четверг на прошлой неделе к вам привезли девушку, мисс Монгомери. Где она? — угрожающим тоном спросил Том Грей, и серые глаза его засияли отливом дамасской стали.

— Девушка, вы говорите?.. Я не знаю никакой девушки... У меня нет... Вы ошибаетесь джентльмен! — спокойно ответил доктор, отступая к стене, на которой белели кнопки звонков.

— Одно движение — и я вас пристрелю, как пса! — вскричал Грей и в руке его угрозой блеснул маленький «Кольт». — Говорите, где она? Мне все известно! Я считаю до трех — и стреляю! Раз... Два!..

— Пойдите, черт вас побери! — сердито запищал доктор, — вы положительно сумасшедший, и вам не место в моей лечебнице! Если вы говорите о высокой брюнетке, которую мне привез какой-то странный, незнакомый мне тип, то она здесь, у меня, в комнате номер одиннадцать! Но имейте в виду, что у меня психиатрическая лечебница, и мне привозят разных людей! Привозят их родственники! Я ни за что не отвечаю!

— Довольно болтать! — перебил его Грей, — ведите меня к ней, или я...

Доктор испуганно взглянул на него, поспешно заскользил к обитой войлоком двери, достал из кармана ключ, вложил в замочную скважину и распахнул дверь.

— Смотрите, она ли это? Не ошибаетесь ли вы, джентльмен? — спросил он.

ХП

ДОЛЛИ НА СВОБОДЕ

Прежде чем Том Грей успел заглянуть в комнату, оттуда вихрем вырвалась Долли. Увидев Грея, она сначала опешила от неожиданности, потом бросилась к нему, схватила обе его заскорузлые руки и взволнованно забормотала:

— Том! Ты! Ах, как я счастлива! Это был такой ужас! Я чуть не умерла от тоски и скуки! Но что это значит? Я ничего не понимаю!

— Пойдем, Долли! — спокойно отозвался Грей, ласково сжимая ее руки, — потом поговорим!

Долли схватила его под руку, и они направились к лифту.

— Даю честное слово, я тут не при чем... Я — врач-психиатр, ко мне привозят разных людей. Некоторые сначала кажутся вполне нормальными. Я ничего не знаю и ни за что не отвечаю! — испуганно бормотал Барлоу, семеня за ними ногами.

— Ладно, уймись, почтеннейший доктор! Вы мне надоели! — презрительно бросил ему Грей, захлопывая перед его носом кабинку лифта.

Через минуту Том Грей и Долли, тесно прижавшись друг к другу, мчались в каретке «такси» к дому профессора Монгомери.

— Я провела пять ужасных дней в этой тюрьме! — рассказывала с нежной улыбкой Долли. — Мне казалось, я пробыла целую вечность в этом ужасном месте. Понимаешь, Том, гробовая тишина, полное одиночество и неизвестность! Комната — как гроб! Три раза в день в круглое отверстие двери какой-то отвратительный негр в белом халате передавал мне пару яиц и кусок хлеба. Я пыталась с ним заговорить, но он молчал, как рыба, выброшенная на берег. Отвратительная рожа была у этого черномазого. Я так счастлива, что вырвалась оттуда и снова вижу тебя! Прямо, не

помню себя от радости! Но что это значило, Том? Почему я попала в этот вертеп, и как ты очутился там?

— Тебя, очевидно, похитили, Долли... — нежно заглядывая ей в глаза, тихо ответил Грей. — Я приехал сегодня утром из Блеквиля и узнал о твоём исчезновении от тетушки Джен. Совершенно случайно встретил шофера, который тебя отвозил к этому негодяю Барлоу, и от него, тоже случайно, узнал о твоём местопребывании. Но кто же был тот рыжий тип, с которым ты уехала, и почему ты поехала с ним?

Долли молча достала из кармана кофточки письмо и подала ему.

— Конечно, я после догадалась, что почерк твой подделали! — проговорила она, смеясь, — надеюсь, ты не ревнуешь, милый Том!

— Ничего не понимаю! — пожал широкими плечами Грей. — Скажи, Долли, у твоего отца есть враги?

— Не думаю! — быстро ответила девушка, — он давно живет нелюдимом, ни с кем не встречается и всецело занят своей лабораторией.

— Может быть, Долли... — нерешительно начал Том и, помолчав, выпалил, — за тобой кто-нибудь ухаживал?

— Ага, сэр, вы начинаете ревновать! — весело смеясь, вскричала девушка. — Ну, на этот счет вы можете быть покойны! Я люблю некоего Тома Грея и не интересуюсь другими мужчинами.

— Ты меня не поняла, Долли! — покраснел Грей, — я не то хотел сказать. Но, может быть, кто-нибудь тайно влюбился в тебя и вздумал тебя похитить!

— Ах, какой ты глупый! — расхохоталась Долли. — Это в Нью-Йорке такие испанские страсти и романтические натуры? Не говори чепухи, милый Том! Когда я была в отвратительной конуре, ко мне заглядывали в отверстие двери только скверная рожа негра и не менее скверная рожа этого доктора. Может быть, кто-нибудь из них влюбился в меня? Это было бы забавно.

— Да, здесь что-то другое! — задумчиво пробормотал Том и быстро добавил, — ну, ладно, не будем ломать голо-

ву над этой загадочной историей. Ты — на свободе, я — с тобой, это самое главное! Мне нужно поговорить с тобой серьезно, Долли; я за этим приехал. Завтра утром я уезжаю.

— Как! Ты завтра уже едешь? Почему завтра? — опечалилась девушка.

— Так надо. У нас в Блеквиле назревают важные события... — серьезным тоном ответил Грей. — Как тебе известно, я состою секретарем заводской ячейки Всемирной Ассоциации Рабочих, и мое присутствие там необходимо. Я еле вырвался на одни сутки. Наш город — бочка с порохом, в которую с минуты на минуту упадет искра. Притеснения и наглость капиталистов за последнее время стали нестерпимы. Заработная плата урезана до невозможности, и рабочие влачат полуголодное существование, шатаясь от слабости у станков. Безработица принимает колоссальные размеры; число безработных растет с каждым днем.

На днях на одном заводе вспыхнула забастовка; явились штрейкбрехеры; рабочие вздумали их разогнать; произошло столкновение с полицией, и в результате — несколько десятков рабочих убито наповал, много ранено и, кроме того, шальными пулями убиты три женщины и четверо детей. Это был кошмар, Долли! Перед моим отъездом полиция арестовала около полсотни рабочих, и я удивляюсь, почему я до сих пор на свободе. Хотя это преждевременно, мы пока не готовы, но со дня на день можно ожидать стихийного восстания, и мое место в их рядах. Я приехал еще раз повидать тебя, дорогая...

— А мое место рядом с тобой! — решительно заявила девушка, и ее агатовые глаза засверкали. — Сегодня же я переговорю с отцом. Когда он узнает, что ты вторично спас меня, мне кажется, он перестанет упрямиться и согласится на наш брак...

«Такси» застопорил ход и остановился у чугунной решетки. Долли выскочила из каретки, улыбнулась Смоку, крепко пожала его шершавую лапу и тихо направилась к подъезду.

— Подожди меня, Смок! — бросил на ходу шоферу Грей и догнал девушку.

— Там, в саду есть скамейка. Помнишь, мы часто сидели на ней раньше? — заговорила, останавливаясь, Долли, — подожди меня там. А я сейчас поговорю с отцом и приду за тобой...

Том Грей двинулся в зеленый сумрак под ветви тополей, а Долли нажала кнопку звонка.

ХІІІ

ДОЛЛИ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Дверь отворилась.

— Долли! — истерически взвизгнула тетушка Джен, — где вы пропадали? Мистер Монгомери вне себя от беспокойства. А я не спала спокойно ни одной ночи и все видела вас во сне... Ах, дорогая!

И расчувствовавшаяся тетушка сделала попытку броситься девушке на шею.

— Очень рада вас видеть, тетушка Джен! — отозвалась Долли, уклоняясь от ее объятий, — отец у себя в лаборатории?

— На балконе читает газеты! — отрывисто отрубила экономка, рассерженная ее холодностью. Долли, подобрав юбки, быстро взбежала по лестнице, на цыпочках подошла к стеклянной двери и заглянула на балкон.

Профессор сидел за столом и внимательно читал газету. Птичье лицо его осунулось, нос стал как будто тоньше, шевелюра и борода казались более взлохмаченными, чем обычно. Долли вихрем ворвалась на балкон, бросилась к нему, обвила смуглыми руками его шею и звонкими, частыми поцелуями покрыла его лоб, щеки и губы.

— Долли! Девчурка! Откуда? Ах, бедная моя! — взволнованно пролепетал профессор, прижимая к взлохмаченной бороде голову дочери.

Долли освободилась из его объятий, плюхнулась в качалку и весело затрещала, как беспечная канарейка, недавно ускользнувшая от лап свирепой кошки.

— Ты без меня очень соскучился, отец? Ну, я думаю... Что со мной случилось? О, это очень интересная история! Меня заманили в ловушку и продержали в наглухо закрытой камерке психиатрической лечебницы целую вечность! Какой-то рыжий субъект вручил мне письмо от Тома. Почерк, разумеется, был подделан. Сочинили целую исто-

рию: якобы Том приехал в Нью-Йорк, сломал себе ногу и желает меня видеть. Я попала на эту удочку. Но Том Грей, действительно, сегодня приехал, случайно узнал, где я, и освободил меня. Вот и все. Не стоит об этом толковать. Я — с тобой, отец, и совершенно счастлива!

Профессор внимательно слушал дочь. Лицо его мрачнело, и, наконец, он сердито проговорил:

— Ты еще очень наивна, девчурка. Твой рассказ напоминает отрывок из бульварного романа: подделанное письмо, похищение героини; разумеется, в конце концов, герой освобождает ее. Мне всегда казался антипатичным этот Том Грей, а теперь я вижу, что это — негодяй, каких мало!

— Что ты говоришь, отец? Как тебе не стыдно? — с негодованием перебила его Долли. — С чего ты это взял?

— Подожди, дай мне сказать! — сердито вскричал профессор. — Повторяю, ты очень наивна. Эта история шита белыми нитками, и мне все ясно. Чтобы побудить тебя выйти поскорее за него замуж, а меня — примириться с этим фактом, Том Грей организовал это похищение, а потом разыграл комедию с освобождением. Иначе — кому это нужно? Моим врагам? Но у меня их нет. Вымогателям? Но я пока не получил ни одного письма с требованием денег.

— Том Грей не способен на подлость! — горячо перебила его Долли. — Он честный человек, человек труда. Он вторично спас мне жизнь, и я буду его женой. Сейчас Том ждет в саду, я приведу его сюда... и прошу тебя, отец, прими его как сына.

— Никогда! — с дикой энергией вскричал Монгомери, — пока я жив, этого не будет! Когда я умру, ты сможешь делать все, что захочешь!

— Это твое последнее слово, отец?

— Последнее. Больше нам разговаривать по этому поводу нет никакого смысла! — решительно ответил профессор.

Долли вскочила и сбежала в сад. По ее раскрасневшемуся от негодования и досады лицу и гневному блеску агатовых глаз Том Грей угадал ответ профессора.

Он вскочил с желтой скамьи, сделал шаг ей навстречу и спокойно спросил:

— Ну что? Старик продолжает упрямяться?

— Это все равно, Том, — решительным тоном заявила Долли, усаживаясь на скамью. — Теперь это не важно. Скажи, ты можешь здесь пробыть два дня?

— Никоим образом! — отозвался Том, машинально обрывая клейкие листки сорванной ветки, — я собирался уехать завтра утром, но передумал и сейчас же поеду на вокзал... Я страшно беспокоюсь. Ребята могут начать раньше, чем следует. Мой долг — быть с ними...

— Ладно! — перебила его Долли, — через два дня я выеду к тебе. Пусть отец сердится и поступает, как ему угодно. В течение двух дней я тайком соберу необходимые вещи, улучу момент и спрячу чемодан в саду, а потом скажу тетушке Джен, что уезжаю на несколько дней к Мери Морленд. Мери я заранее предупрежу по телефону, и, если отец будет справляться обо мне, она сумеет его обмануть, пока я не приеду в Блеквиль. После я ему напишу и объясню все...

Том Грей молча взял ее обе руки в свои шершавые лапы, нежно сжал их, и это пожатие сказало ей больше о переполнивших его чувствах любви и нежной благодарности, чем сотни слов.

В паутине наступавших сумерек черты лица Долли казались тоньше, и черными алмазами мерцали ее агатовые глаза.

— Я должен тебе признаться, дорогая, что, кроме желания видеть тебя, еще одна причина заставила меня приехать сюда так поспешно, — тихо заговорил Том. — Видишь ли, я хотел, кстати, кое-что разузнать от тебя об открытии твоего отца. Я прочитал о нем в газете.

— Почему же оно тебя так интересует? — быстро спросила Долли, взглянув на него.

Том огляделся, словно желая убедиться, что их никто не подслушивает, и тихо ответил:

— Неужели ты не догадываешься? Ведь если действие этих «лучей смерти» таково, как о них пишут, они являются самым страшным оружием, какое можно только вообразить. Конечно, буржуазия постарается захватить его в свои

руки и использовать в борьбе с рабочим классом. Я верю в окончательную победу пролетариата, но «лучи смерти» вырвут из наших рядов тысячи борцов и оттянут решительную битву на много лет. Вот в чем дело, дорогая. Скажи, ты не слышала, правительство не предлагало твоему отцу продать изобретенный им аппарат? И действительно ли действие этих лучей таково, как о них писали?

— Видишь ли, Том, — отозвалась, помолчав, Долли, — я никогда особенно не интересовалась работами моего отца. Мне они казались такими скучными. Я всецело была занята чтением и спортом, на это я тратила все время. Что же касается «лучей смерти», то, по словам отца, они могут на расстоянии мили превратить в пепел армию. Два месяца тому назад отец сжег ими из окна своей лаборатории павильон в дальнем углу сада. Обычно я о них отца никогда не расспрашивала и, когда он сам начинал разговор о своем открытии, я, признаться, только делала вид, что слушаю, а думала о другом. О, если бы я знала, что ты ими интересуешься! Что же касается продажи его изобретения, то на этот счет ты можешь быть покоен. Отец мой большой чудака и совершенно об этом не думает. Недавно являлся к нему какой-то миллиардер с предложением продать ему «лучи смерти», и, можешь себе представить, давал два миллиона; отец выгнал его вон!

— Значит, пока все в порядке, — произнес Том, вставая. — Ну, дорогая, мне пора!

Мощный инстинкт здорового влечения на одну секунду сплел их пальцы, спаял их тела и губы, и Том Грей, нахлобучив на глаза кепи, быстро зашагал к воротам. Долли молча следила за его широкоплечей, сутуловатой фигурой, пока та не слилась с сумраком под тополями у ворот, и, услышав постукивание отъезжавшего «такси», тихо направилась к подъезду.

XIV

ПРОФЕССОР РЕШАЕТСЯ ТОЖЕ

Обычно профессор Монгомери пил утренний кофе в своей лаборатории; но в это утро изменил своему обыкновению, желая побыть с дочерью, по которой безумно тосковал во время пятидневной разлуки; он просил тетушку Джен подать кофе на балкон. Он сидел в качалке, прихлебывая из чашки ароматный напиток, искоса поглядывая на дочь, сидевшую напротив, необычайно серьезную и молчаливую и всецело углубившуюся в чтение социалистической брошюры в красной обложке. Профессор догадывался, что причиной этой странной, столь несвойственной Долли молчаливости был вчерашний разговор о Томе Грее, и, в свою очередь, дулся на дочь: после разлуки он так жаждал слышать ее веселую болтовню, видеть ее нежную улыбку и лукавый блеск агатовых глаз.

Неожиданно по балкону промаршировала тетушка Джен. Она молчаливо и сердито, словно зараженная их настроением, швырнула на стол перед профессором газету вместе с пакетом в голубом конверте и величественно удалилась, сотрясая мерным шагом гвардейского солдата балконный пол. Профессор разорвал конверт, быстро пробежал глазами письмо и озадаченно пробормотал себе под нос:

— Это... это черт знает что такое! Ни дьявола не понимаю! Странно, очень странно!

Он перечитал письмо, взглянул на почтовый штемпель на конверте и вскричал:

— А, теперь я понял, наконец! Письмецо запоздало! Долли, послушай, я тебе прочитаю самое оригинальное послание, какое я когда-либо получал! И в нем говорится о тебе!

Долли оторвала глаза от брошюры и взглянула на отца.

— Слушай! Нет, ты только послушай! — вскричал Монгомери и медленно стал читать.

Многоуважаемый профессор! Не беспокойтесь о своей дочери: она находится в надежных руках и окружена заботами и вниманием, как приличествует дочери известного ученого. Мы трое решительных людей, которым нечего терять, имеем честь предъявить вам за уход и содержание мисс Монгомери счет в 1 миллион долларов. Эта сумма может вам показаться слишком крупной, но мы не можем уступить ни одного цента по той простой причине, что нам нужен именно миллион. Конечно, вы признаете, что жизнь и свобода вашей дочери стоят этих денег. Это вам подскажет любящее сердце отца. Мы предполагаем, что такой суммы сейчас нет в вашем распоряжении, и даем вам пять дней срока, считая со дня получения вами этого письма. Если вы пожелаете видеть вашу дочь, вам стоит только приготовить требуемую нами сумму, вывесить над подъездом вашего дома американский флаг, и к вам явится немедленно наш уполномоченный за деньгами, а через час после его ухода вы заключите в свои объятия вашу любимицу. Не пытайтесь обращаться к полиции: из этого ничего не выйдет — кроме неприятностей, смеем вас уверить. В случае, если вы будете медлить и в течение пяти дней не вывесите условного сигнала, — ваша дочь будет потеряна для вас навсегда. Извиняемся за скверный почерк нашего послания, но наши руки больше привыкли работать револьвером и кинжалом, чем пером.

За Ната Крысу и Билля-Черного Пса —

«Орел Джо».

— Ну, что же на это скажешь, дочурка? — спросил профессор, обрадованный тем, что разговор о письме проломает лед, и добрые отношения с Долли восстановятся. — Оказывается, здесь имело место самое настоящее вымогательство! Письмо это было опущено в почтовый ящик вчера в десять часов утра, если судить по почтовому штемпелю. Эти негодяи не ожидали, что птичка упорхнет из клетки.

— Вот, видишь, отец, ты совершенно напрасно думал плохо о Томе! — с упреком отозвалась Долли, — разве теперь тебе не ясно, что он во второй раз спас мне жизнь!

Профессор конфузливо уткнулся в газету. В глубине души он сам сомневался, чтобы Том Грей участвовал в похищении, но чувство недоброжелательства к этому человеку заставляло истолковывать в дурную сторону все его действия.

Долли была единственной привязанностью чудака-профессора; он обожал ее и приходил в ярость при мысли, что чужой человек уведет ее от него, и он не будет видеть ее милого лица, слышать ее звонкий, задорный смех и веселую болтовню. Сухой, черствый эгоист, он готов был принести в жертву своему эгоизму даже счастье своей дочери. Недоброжелательное чувство к Тому почти граничило с ревностью. Но после разлуки с дочерью в его мозг, хотя и медленно, внедрялось сознание, что насильно удержать при себе девушку он не в состоянии, что может наступить момент, когда чувство любви к жениху заставит Долли сделать решительный шаг. Он знал твердый характер своей дочери и начинал сознавать, что, в конце концов, Долли покинет его и уйдет к Тому Грею. Но если так обстояло дело, следовало найти такой выход, чтобы дочь осталась при нем и все-таки была счастлива. О, это он устроит! Для этого стоит только вызвать Тома Грея и предложить ему жениться немедленно на Долли и остаться жить здесь, в его доме. Для того, чтобы обеспечить Долли и ее будущее потомство, он, Монгомери, достанет денег сколько угодно. Стоит только позвонить Джиму Маклину. Правда, он не продаст ему

тайны своего изобретения, но, тем не менее, заставит его раскошелиться. И он это сделает немедленно!

Профессор Монгомери, раз задумав что-либо, сейчас же приводил в исполнение задуманное. И теперь он вскочил и направился к телефону. Он приложил трубку телефона к уху, вызвал нужный номер и заговорил:

— Мистер Маклин? Алло, мистер Маклин! Говорит Монгомери!.. Да, да! Можете вы приехать ко мне сегодня?.. Да, мне кажется, мы с вами поладим! Через час? Отлично! Жду.

Он повесил трубку и вышел на балкон, собираясь обрадовать Долли своим решением, но та уже исчезла. Монгомери вздохнул и углубился в чтение газеты.

ХІ

СДЕЛКА СОСТОЯЛАСЬ

Ровно через час на пороге балконной двери показалась бочкообразная фигура Джима Маклина. Нефтяной король переступил через порог, снял цилиндр и в нерешительности остановился. Накануне вечером доктор Барлоу, по подписи на чеке сообразивший, что в похищении дочери профессора заинтересован Маклин, сообщил ему по телефону об освобождении Долли. Неожиданное приглашение профессора повергло нефтяного короля в самую глубокую бездну удивления; он сначала заподозрил какой-то подвох, но потом уверенность в собственном могуществе и соблазн иметь в руках страшное оружие разрушения, заставили его решиться. Приветливая улыбка на птичьем лице Монгомери окончательно успокоила его. Он крепко тряхнул руку профессора, развалился в качалке и закурил сигару.

— Вы аккуратны... — заговорил профессор, взглядывая на часы, — надеюсь, мы с вами поладим. Конечно, я не продам тайны моего открытия...

— Позвольте! — вскричал, вскакивая, словно подброшенный пружиной, нефтяной король, — тогда за каким же чертом, спрашивается...

— Не волнуйтесь и выслушайте меня до конца! — спокойно перебил его Монгомери. — Повторяю, я не продам тайны «лучей смерти», но согласен за миллион долларов предоставить в полное ваше распоряжение устроенный мною аппарат с лучами. Я буду солдатом, действующим по вашему указанию, — рукой, которая уничтожит ваших врагов. Вы меня понимаете? Когда вам будет нужно, я явлюсь с моим аппаратом туда, куда вы укажете, и превращу в пепел любую армию. Что вы скажете на это?

Нефтяной король несколько секунд молчал, словно обдумывая его слова.

— Позвольте вам задать несколько вопросов, многоуважаемый профессор, — проскрипел он, наконец, дымя усиленно сигарой, — скажите, как вы относитесь к рабочему движению?

— О, я совершенно не интересуюсь социальными вопросами и мало о них думал! — вскричал Монгомери, — я — индивидуалист, и меня бесит мысль, что может наступить момент, когда разнузданная толпа закоптелых блузников выгонит меня из моего особняка и заставит поселиться в какой-нибудь конуре. Я стар и хотел бы на закате моих дней пользоваться тем комфортом, к которому я привык с детства.

— Прекрасно! — перебил его Джим Маклин. — Вот что я хотел знать по этому вопросу. Теперь скажите, профессор: не дрогнет ли ваше сердце, если придется уничтожить тысячи людей? Не поддадитесь ли вы чувству мелкой слюнявой жалости, недостойной великого ученого?

— Я всегда старался смотреть трезво на вещи; если для счастья и спокойствия миллионов мирных людей необходимо уничтожить даже сотню тысяч безумцев, я это, мне кажется, сделаю совершенно бестрепетно, — спокойно ответил профессор и, помолчав, с циничной улыбкой добавил, — ведь я буду действовать издалека и трупов мне видеть не придется!

— Прекрасно! Очень хорошо! — с довольным видом, потирая пухлые руки, проскрипел Джим Маклин. — Еще один вопрос, профессор. Нужно предвидеть все. А что будет, если, скажем, с вами случится несчастье? Ну, скажем, вы неожиданно для вас отчались в лучший мир?

— В таком случае по запискам, которые хранятся в шкафу моей лаборатории, любой человек, обладающий элементарными знаниями по химии и физике, сумеет разобраться в моем аппарате и справится с ним, — спокойно отозвался Монгомери.

Несколько минут оба собеседника сидели молча, ища наблюдая друг за другом.

— Скажите, профессор... — заскрипел снова нефтяной король, закуривая новую сигару, — на какое расстояние вы

можете действовать своим аппаратом, и видимы ли ваши «лучи смерти»?

— Сфера действия моего аппарата ограничивается пока, к сожалению, пространством немного менее английской мили... — докторальным тоном произнес Монгомери, — если вас это интересует, я кое-что расскажу вам о моем открытии и о приборе, который я устроил. Итак, мой прибор точно действует на расстоянии трех четвертей мили. Лучи — тепловые и совершенно невидимы для человеческого глаза. Я случайно открыл новый элемент радия, который в соединении с некоторыми другими элементами, при действии на этот конгломерат сильного электрического тока, испускает эти лучи. Следовательно, лучеиспускающее вещество является комбинированным. Прибор, который я устроил, состоит из двух совершенно различных по оборудованию частей, и не особенно громоздкий. Об опыте, который я производил с лучами, вам известно. Вот все, что я пока могу вам рассказать о моем открытии...

— Этого довольно! — перебил его нефтяной король. — Должен сознаться, что я раньше совершенно не интересовался подобными вещами, и познания мои в физике и химии весьма ограничены. Итак, я вам пока выдам чек на пятьсот тысяч, а остальную сумму вы получите после первого опыта. Идет?

Профессор молча кивнул головой. Джим Маклин вытащил из внутреннего кармана пальто чековую книжку, написал чек, вручил его Монгомери и продолжал:

— Что же касается первого опыта, то случай не замедлит представиться не сегодня-завтра. Дело в том, что у меня имеются определенные и точные сведения о готовящемся восстании рабочих в Блеквиле, фабричном городке в нескольких часах езды от нашего города. К восставшим могут присоединиться рабочие других городов, и возможно, что революция вспыхнет по всей Америке. Поэтому мы решили сразу дать хороший урок этим чумазым, уничтожив всех рабочих Блеквиля; этот урок отобьет у других охоту к восстаниям. Поэтому будьте готовы, уважаемый профессор!

— Я всегда готов! — спокойно отозвался Монгомери.

Джим Маклин вскочил, крепко пожал руку профессора и направился к выходу. Профессор проводил его до лестницы, уселся в качалку и снова уткнулся в газету.

XVI

ВЕСТИ О ВОССТАНИИ

Том Грей, расставшись с Долли, уселся снова рядом со своим другом и проговорил:

— Ну, Смок, теперь валяй на вокзал! Мне необходимо с первым отходящим поездом вернуться в Блеквиль.

— Ты ведь собирался остаться до утра? — удивился шофер, пуская в ход машину.

— Я передумал, старина... — коротко ответил Том.

«Такси» мчался по улицам окраин в молочно-белом тумане, который неожиданно нагнал ветер с моря. В вышине висели гирлянды электрических солнц, острый свет которых пронизывал завесу тумана; внизу, под витринами магазинов и над подъездами домов цветные электрические звезды сияли всеми цветами радуги. В несмолкавшем уличном грохоте звонки трамваев и рев непрерывного потока автомобилей сливались в один общий гул, в котором тонули резкие крики газетчиков, размахивавших в бешено мчавшейся вперед толпе пешеходов серыми листками.

Неожиданно Смок застопорил машину и остановился у панели, по которой двумя потоками, протекавшими в противоположные стороны, спешили, сломя голову, молчаливые фигуры.

— В чем дело, старина? — быстро спросил Грей, вздрагивая, точно просыпаясь от сна: в его воображении проносились картины событий минувшего дня, в которых образ Долли являлся центральной фигурой и рисовался светлыми красками.

— Ты слышишь, Том? — вскричал Смок, кивая головой на пробежавших мимо и отчаянно оравших мальчишек с газетными листками. Том вслушался в их визгливые выкрики и снова вздрогнул, как ужаленный. Газетчики орали на разные голоса, стараясь перекрыть друг друга и заглушая уличный шум:

«Восстание в Блеквиле! Все рабочие восстали! К восставшим присоединилась рота милиции! Весь город в руках восставших!.. Вся буржуазия и власти бежали из Блеквилля!.. В столкновении рабочими убиты инспектор блеквильской полиции и двадцать полицейских! Бунтовщики вооружены винтовками, револьверами и пулеметами!

Восставшие освободили из тюрьмы своих товарищей!

Тюремная охрана присоединилась к бунтовщикам! Бежало сорок уголовных преступников!

Бунтовщиками захвачены все продовольственные склады, почта, телеграф и радиостанции!»

Прохожие выхватывали на бегу у газетчиков серые газетные листы, швыряли им мелочь и на ходу просматривали газету. Том Грей соскочил с автомобиля, взял у газетчика серый листок, просмотрел его внимательно при свете ближайшего фонаря и, взволнованный, вернулся к «такси».

— Дело серьезное, Смок! — сказал он. — Я должен спешить. Валяй во весь дух к вокзалу!

Смок медленно раскурил свою трубку, выпустил изо рта целое облако голубоватого дыма и насмешливо спросил:

— Интересно знать, на чем ты собираешься ехать?

— Станный вопрос! Конечно, на поезде! — удивленно взглянул на него Грей.

— А разве ты не знаешь, что в таких случаях движение по линии прекращается?

— Черт возьми, я и забыл, — взволновано вскричал Грей, — я готов пойти в Блеквиль пешком!

— А для чего существуют автомобили? — спокойно произнес Смок, вынимая изо рта трубку, — на моем «такси» через несколько часов мы будем в Блеквиле.

— Смок! — вскричал взволнованно Грей, — я тебе и так многим обязан. Будь другом — окажи последнюю услугу! У меня есть маленькие сбережения...

— Стоит об этом толковать! — добродушно перебил его шофер, — заплатишь мне малую толику — ладно, не заплатишь — тоже хорошо. Я ведь помню, что и ты кое-что для меня сделал. Только благодаря тебе из пьянчужки и игро-

ка-Смока вышел кое-какой толк. Только боюсь, как бы с этой поездкой мне не лишиться машины. Она ведь моя наполовину, я пока заплатил фирме только половину ее стоимости. Нуда ладно, будем надеяться, что и у нас, в Нью-Йорке, скоро пойдет потеха, и, вместо денег, я заплачу буржуйам парой пуль из моего «Кольта».

— Значит, ты согласен? — нетерпеливо перебил его Грей, — тогда вперед!..

— Подожди! — спокойно произнес Смок. — Не горячись и не спеши так! Спешить следует только при ловле блох! Прежде всего, мы заедем ко мне, закусим, и я возобновлю запас бензина. Кроме того, я ведь не железный, мне нужно отдохнуть часок-другой. Да и старуху мою нужно предупредить. Да, кстати, я забыл тебе сообщить, что я успел жениться. Нэнси работала в прачечной; там я с ней познакомился. И сейчас она там работает, не разгибая спины, а домой возвращается вечером и успевает все устроить по хозяйству. Женат я уже, примерно, с год. Славная женщина, вот увидишь! Настоящий товарищ!

Снова Грей уселся рядом с шофером, и «такси», фыркающая, как рассерженная кошка, заскользил вперед, ныряя в переулки.

— Нужно предвидеть все, старина! — говорил Смок, нажимая на руль и вглядываясь вперед, — нас может встретить на шоссе по дороге в Блеквилль полицейская застава. Мы или наврем им в три короба, — ведь по дороге свободного времени будет много, и мы успеем придумать какую-нибудь невероятную историю, — в крайнем же случае прорвемся, пролетим мимо, как птицы, угостив их парой пуль. Не унывай, старина!.. А вот мы и приехали.

С этими словами веселый шофер уменьшил ход машины, направил ее в темную пасть ворот четырехэтажного каменного дома и остановился во дворе, у крытого подъезда.

— Идем! — проговорил он, соскакивая с сиденья, — квартирка пока у меня неважная, присматриваю особняк на Пятой улице, да пары миллионов не хватает!.. Эх, зажда-лась меня моя старуха!..

XVII

В ГОСТЯХ У СМОКА

Друзья поднялись по тускло-освещенной, грязноватой лестнице во второй этаж и остановились перед обитой белой клеенкой дверью. Смок три раза, с равными промежутками, нажал кнопку звонка, и дверь распахнулась.

— Где ты пропадал с раннего утра до поздней ночи, Бен Смок? Если ты будешь продолжать в этом же духе, я разведусь с тобой, честное слово! — послышался у дверей звонкий веселый голос.

— Ой, Нэнси, не пугай меня, я такой нервный! Ах, я упаду в обморок! — дурашливо отозвался Смок и дружески толкнул Грея в ярко освещенную маленькую переднюю. Грей поднял голову и с любопытством взглянул на жену Смока. «Старуха» оказалась молодой, голубоглазой, пышноволосяй блондинкой с миловидным, загорелым лицом и яркими губами. Одета она была в чистое темное простенькое платье с белоснежным передником и в малиновые бархатные туфли.

— Это — мой старый друг Том Грей, Нэнси! — просто сказал Смок, вешан на гвоздь свою кожаную куртку.

Нэнси крепко, по-мужски, тряхнула руку Тома своей сильной, шершавой рукой и весело защебетала:

— О, мне Бен много рассказывал про вас! Он вспоминает вас почти каждый день! Я даже, признаться, начинала ревновать.

— Брось болтать глупости, старуха! — притворно сердитым тоном перебил ее Смок, — и давай нам есть: я голоден, как добрая сотня бродячих собак. Если ты не хочешь видеть труп своего мужа, умершего с голода, — дай мне бутерброд и стакан кофе. Иначе я не ручаюсь за себя! Или я умру, или съем тебя!

— Все готово. Я давно жду тебя и раз десять подогревала кофе, бродяга ты этакий! — весело засмеялась Нэнси

и прошла в комнату. Оба друга последовали за ней и уселись за стол, на котором ароматным паром дымился большой медный кофейник и были аккуратно расставлены тарелки с холодным жареным мясом, ветчиной, сыром, яйцами и ломтями белого хлеба. Комната была небольшая, но чистая. Стены были оклеены светлыми обоями с маленькими букетами незабудок; крашеный пол был застлан дешевым пестрым ковром; на окнах висели кисейные занавески; в переднем углу кудрявилась зелень каких-то тропических растений в больших деревянных кадках; на стене висели дешевые олеографии в золоченых рамах, изображавшие лесные пейзажи. Комната освещалась яркой электрической лампочкой, под маленьким зеленым абажуром свисавшей над столом с потолка.

— У нас очень уютно, не правда ли? — заговорил Смок пододвигая себе тарелку с ветчиной. — Я как-то не удосужился побывать у наших миллиардеров, но, мне кажется, у них не так уютно. У них нет таких чудесных тропических растений и таких картин, Том! Эти растения и картины великолепны, и моя старуха вполне справедливо гордится ими. Видишь ли, Том, Нэнси мечтает еще о клетке с канарейкой и о маленьком чертенке в пеленках, который радовал бы ее в течение целых суток своим писком. Она уверяет, что без этого чертенка настоящей семейной жизни и уюта не существует и... что я — плохой семьянин...

— Эх, ты болтушка! — весело расхохоталась Нэнси, любовно толкнула кулаком в бок своего мужа, — лучше помолчи и ешь!

— Я-то не зеваю и ем, как честный человек, а вот наш гость как будто стесняется, — отозвался Смок, накладывая себе на тарелку солидный кусок мяса. — Если ты не будешь есть, как следует, Том, я рассержусь! Значит, тебе не нравится кушанье, приготовленное руками моей жены? В таком случае я не поеду с тобой и останусь дома.

— Как, ты собираешься уезжать, Бен? — дрогнувшим голосом спросила Нэнси и сразу опечалилась.

— Я должен ехать с Томом в Блеквиль, Нэнси! — серьезно ответил Смок. — Дело не терпит отлагательства. Соснем

часок-другой и в путь. Денька через два я вернусь. Не беспокойся.

— Конечно, поезжай, если это необходимо! — подавляя вздох, проговорила Нэнси и принялась угощать гостя, который почти не прикасался к еде, и только теперь, под ее стремительным натиском, принялся за ветчину. Зато Смок с аппетитом рабочего человека, после длительного воздержания дорвавшегося до еды, уничтожал кушанья.

— Ну, кажется, я сыт! — заявил он, откидываясь на спинку стула и закуривая трубку. — Пойдем, старина, соснем малость рядом на кровати, как бывало в доброе старое время, когда мы с тобой снимали комнатуху с одной кроватью у тетки Салли. Помнишь? И как мы могли жить в такой грязной яме? Теперь я, благодаря Нэнси, приобрел буржуазные замашки и сплю на чистой простыне; ты только подумай! Идем, старина! Нэнси постелет себе здесь, на полу.

— Я не хочу спать и посижу здесь! — решительно заявил Грей, — я все равно не засну.

— Ну, как хочешь... — зевая отозвался Смок, — напрасно, очень напрасно! И тебе не мешало бы соснуть. Ну, коли так, пойдем, старуха!

Смок с женой удалились в спальню, а Том Грей откинулся на спинку стула, закрыл глаза, вытянул ноги и задумался. Он горел непреодолимым желанием поскорее добраться до Блеквиля и принять участие в борьбе. Эта досадная задержка раздражала его, и он в душе даже сердился на Смока. «Что-то творится и воставшем городе? Может быть, там на улицах кишит жаркий бой, гремят выстрелы, и его товарищи изнемогают в борьбе с прислужниками буржуазии. Впрочем власти, вероятно, не скоро опомнятся от неожиданности: симпатии большинства солдат на стороне рабочего класса; они откажутся стрелять и удержат своих товарищей. Кроме того, во всех городах Штатов имеется Всемирная Ассоциация Рабочих; эта Ассоциация растет с каждым днем и сумеет поддержать в борьбе своих товарищей. Через океан Коммунистический Интернационал протянет руку помощи борцам за рабочее дело. Вот, разве машины, танки, аэропланы, которые имеются в распоряжении

капиталистов... но ведь и машины управляются людьми!» Эти мысли успокоили Грея, и только теперь он вспомнил о Долли. Поезда не курсируют, и она в Блеквиль не приедет. Пожалуй, так будет лучше; он будет за нее спокоен. Ее присутствие в такой серьезный момент будет его только нервировать. А вдруг решительная девушка, несмотря на все препятствия, найдет способ пробраться к нему? Нет, пусть лучше она не приезжает. Он тогда будет спокойнее и всецело отдастся борьбе. Том Грей пошевелился и взглянул на часы. Сквозь кисейные занавески вливалась в комнату голубая муть рассвета, и свет лампы под потолком приобрел бледно-молочный оттенок.

— Смок, старина, вставай! — тихо позвал Грей.

— Я уже и то встаю, — слышался из спальни веселый голос Смока. — Здорово я заспался, уже светает. Ну, да ладно, дорогой мы наверстаем потерянное время и будем лететь, что есть мочи!

Шофер, уже совсем одетый, показался из спальни, а за ним следом вышла Нэнси с побледневшим от бессонницы лицом.

— Я тоже не спала, мистер Грей! — прошептала она, — я ведь первый раз расстаюсь так надолго с Беном. Сейчас я сварю кофе. Без кофе я вас не отпущу, как вы хотите!

Она порхнула в кухню, а Бен направился на двор к своей машине, чтобы приготовиться к отъезду.

XVIII

ПО ДОРОГЕ В БЛЕКВИЛЬ

Через полчаса «такси» мчался полным ходом по улицам спящего города. Том Грей по-прежнему сидел рядом с шофером. Серые громады домов были молчаливы и мрачны; лишь кое-где в окнах сияли электрические звезды, тускло светились огромные витрины магазинов, и зелеными шапками мелькали мимо деревья сонных парков. Восходящее солнце уже золотило острые верхушки тополей и освещало концы бесчисленных, вонзавшихся в глубину чистого неба фабричных труб на окраине, когда «такси» вырвался на широкое, прямое шоссе и полетел еще быстрее. Вдали показалась черная точка, скользившая навстречу «такси» с необычайной быстротой, увеличиваясь по мере приближения, и скоро друзья увидели большой четырехместный открытый автомобиль. В автомобиле сидело двое мужчин в широких серых пальто и в канотье и изящно одетая полная дама в широкополой белой шляпе, которую немилосердно трепал ветер. Когда автомобиль был уже метрах в тридцати от «такси», у одного из пассажиров ветром сорвало шляпу; она полетела птицей назад и покатилась по шоссе. Автомобиль остановился; коренастый, смуглолицый шофер в черной куртке, соскочив с сиденья, погнался за ней. «Такси» пролетел мимо встречного автомобиля и тоже остановился. Смок соскочил на шоссе и побежал рядом с незнакомым шофером, словно желая помочь ему догнать шляпу, которая, прокатившись еще несколько шагов, шлепнулась на камни.

— Не из Блеквиля, товарищ? — отрывисто спросил он, — ну, что там слышно?

— Удираем во всю мочь! — весело осклабился шофер, шагая с ним рядом; — шумят ребята, и здорово трещат буржуазные горшки. Мои еле удрали оттуда. Запоздали ма-

лость; остальные буржуи удрали пораньше. Такая каша заварилась! Любо-дорого посмотреть!

— Город во власти рабочих? — продолжал спрашивать Смок.

— Ясно! Не скоро опомнятся буржуи... — ответил шофер, нагибаясь и поднимая шляпу, — удрали все, как зайцы! Впрочем, их не особенно стремились задержать. Рады были избавиться.

— Когда же это началось?

— Вчера, часов в шесть утра. А когда стало об этом известно у вас в Нью-Йорке?

— Вчера вечером.

— Ага, значит, власти скрывали это от публики, — заметил шофер, направляясь к своему автомобилю, — зато, чай, теперь всему миру известно: шила-то в мешке не утаить. Скоро по всем Штатам пойдет потеха, уж я знаю! И давно пора!

— Счастливого пути! — отозвался Смок, вскакивая на сиденье; и «такси» снова рванулся вперед. Смок немедленно передал Грею свой разговор со встречным шофером.

— Вперед! — вскричал нетерпеливо Том.

Снова побежали навстречу высокие телеграфные столбы с густой сетью проводов и зеленые шапки деревьев, окаймлявших шоссе, которое развертывалось, как огромный серый свиток, перед глазами путников. Изредка Смок останавливал «такси», внимательно осматривал его со всех сторон, закуривал трубку и снова пускал машину.

— Пока ничего не видно, — заговорил он, обращаясь к своему спутнику.

— Это ты про заставу! — повернул к нему запыленное, бледное от бессонницы лицо Грей. — Возможно, что полиция растерялась и пока не успела выехать на разведку. Если же есть застава, она должна быть на холме в полумиле от Блеквиля. Холм высок, подъем и спуск круты, и с вершины холма весь город виден, как на ладони.

Том Грей оказался прав. Вдали путники увидели холм, на который круто поднималась серая лента шоссе. На холме, у самого подъема виднелось шесть неподвижных фигур

в синих мундирах. Полицейские издали услышали стук мотора и ждали с винтовками в руках.

— Вон, видишь, нас уже встречают! — весело осклабился Смок, словно впереди его ждали друзья. — Что я тебе говорил? Они не прозевают, будь покоен. Ловкие ребята, нужно им отдать справедливость. Я буду рад оставить их с носом. Вот вытянутся их рожи, когда мы проскочим мимо и удерем.

— Проскочим ли? — тревожно пробормотал Грей.

— Ручаюсь за это! Видишь ли, я думаю, они разинут рты, так как предположат, что едут свои... Начальство какое-нибудь, или смена. Видишь, закинули за спины винтовки!

Действительно, стоявшие на вершине холма, по обоим сторонам круто-взбегавшего шоссе, полицейские закинули за спины винтовки, и по их свободным, небрежным позам было видно, что они ждут не врагов, собирающихся проскользнуть мимо.

— Приготовим на всякий случай револьверы! — тихо сказал Грей и нащупал в кармане пальто плоскую рукоятку «Кольта». «Такси», не уменьшая хода, подлетел к подъему и взлетел на вершину холма. На одно мгновение в облачке пыли мелькнули синие мундиры и озадаченные лица полицейских с округлившимися от удивления глазами... «Такси», словно по инерции, прокатившись мимо, полетел прежним ходом по спуску. Позади щелкнули беспорядочные выстрелы магазинов, и пули горохом застучали в заднюю стенку каретки.

— Валяйте! — сверкая белками глаз, весело вскричал Смок. — Лупите всю! Черта с два — попадете! Только каретку портите, черти! Имею честь кланяться, джентльмены!

Полицейские на холме опустили винтовки, метнулись к стоявшим у шоссе мотоциклам, но, по-видимому, раздумали и принялись о чем-то толковать, отчаянно размахивая руками.

А «такси» летел вперед.

Том Грей сидел молча и лихорадочно-блестевшими от возбуждения и дикой радости глазами смотрел вперед, где

в туманной котловине притаился город, как огромный каменный зверь, вздымая к небесам высокие трубы многочисленных фабрик и заводов. Перед низенькими домиками и зеленью садов предместья, на шоссе, освещенные багровыми лучами солнца, двигались молчаливые фигуры, над которыми в вышине, на высоком древке алело и шевелилось от ветра знамя. Увидев подлетающий ближе «такси», десятка два молчаливых фигур с винтовками наизготовку выстроились поперек шоссе, по обоим сторонам которого по направлению к холму торчали тупые морды четырех пулеметов. «Такси» замедлил ход и, не доезжая метров пятидесяти до заставы, остановился. Том Грей соскочил с сиденья на мостовую и побежал вперед. Высокий, рыжебородый человек в потертом синем пиджаке и серой шляпе, вглядевшись в него, закинул за спину винтовку, сорвался с места и бросился к нему навстречу с радостными возгласами:

— Батюшки, да это Том Грей! Опустите винтовки, вы, там! Или вы ослепли! Где же ты пропадал? Тебя давно ждут в Революционном Комитете!

— Здорово, О'Коннор! — радостно вскричал Том, подбегая к нему и крепко пожимая его заскорузлую лапу, — видишь ли, мне срочно по личным делам пришлось уехать в Нью-Йорк. Но это не важно, не стоит об этом толковать. Я здесь — и ладно! Что тут у вас? Рассказывай, дружище!

XIX

ВОССТАВШИЙ ГОРОД

— Ты, конечно, видишь, что мы начали действовать в открытую! — заговорил О'Коннор, закуривая трубку. — Сейчас я расскажу тебе подробно обо всем. Начну по порядку. Позавчера вечером на тайном собрании было решено потребовать освобождения арестованных товарищей, прекратить работу. Вчера утром все рабочие собрались на фабриках и заводах и сразу оттуда двинулись на улицы. Часть пошла к тюрьме, часть направилась к управлению полиции. Растерялась ли полиция, или пожелала нас спровоцировать, но толпу встретили выстрелами. Уложили они человек двадцать наших ребят, да столько же, а может, и больше, переранили. Тут и началась потеха. Оружием, как тебе известно, мы давно запаслись; вооружились и бросились на полицию. Понятно, что могли сделать с нами полицейские псы? Человек пятьдесят из них мы покрыли, в том числе и этого гада-инспектора, а остальные разбежались кто куда. Солдаты целиком присоединились к нам, без выстрела. Тюремная охрана сама открыла ворота тюрьмы. Всемирная Ассоциация Рабочих взяла в свои руки инициативу, организовала Красную Гвардию, в которую вошли все рабочие целиком. Взяла на учет оружие, продовольственные склады, захватила почту, телеграф и радиостанции. Буржуи частью арестованы и сидят в тюрьме, но большинство их удалось улизнуть. Юркий народ. Теперь беспрерывно заседает Революционный Комитет. Часов пять тому назад к нам прилетели из Нью-Йорка два аэроплана; летчики опустились и присоединились к нам. Они доставили хорошие вести. Рабочие других городов поддержат нас, безусловно, и завтра во всех Штатах вспыхнет всеобщая забастовка. Правда, относительно всеобщего восстания вопрос еще не решен, но не сегодня — завтра решится.

— Но за это время буржуазия нас раздавит, — задумчиво проговорил Грей.

— Не думаю, — спокойно произнес О'Коннор, — власти и буржуазия струхнули порядком. На армию они не надеются, а полиция малочисленна и труслива. Правда, у буржуазии есть своя многочисленная крепкая организация, охватывающая сетью ячеек весь мир, но буржуи — трусы и любят выезжать на спине наемной сволочи. Охотников же лезть под пули, даже за большие деньги, не очень много найдется...

— Ну, я поеду! — перебил его Грей, сгоравший от нетерпения побывать в восставшем городе. — Скажи, где помещается Революционный Комитет?

— В особняке миллиардера Гикмана, на Главной площади. Мы с ним обменялись помещениями. Ему мы дали квартиру в тюрьме, а сами забрали его особняк, — шутливо ответил О'Коннор.

Том Грей махнул рукой Смоку, вскочил на сиденье подкатившего «такси» и отрывисто бросил невозмутимо курившему трубку шоферу:

— Вперед!

«Такси» покатило мимо молчаливых фигур в зеленую муть предместья. Маленький фабричный городок имел необычайный вид. Серое дымное облако, обыкновенно висевшее над ним, рассеялось; молчаливы были громадные каменные корпуса фабрик и заводов, мрачно оскалившихся широкими, забранными в решетки окнами.

Высокие леса труб не курились черным дымом. Необычайная тишина нависла паутиным покрывалом над улицами, и смолкли давно резкие звонки трамваев, остановившихся, казалось, навсегда, на блестящей сети стальных рельс.

Бессильно повисла кое-где оборванная сетка проводов, еще недавно властно и незыблемо оплетавшая шумные улицы. Из домов выходили молчаливые фигуры мужчин в потертых куртках, быстрыми шагами направлявшихся к центру города. По временам из центра к предместью направлялись кучки таких же молчаливых фигур, с винтовками

за плечами и с унизированными ружейными патронами широкими кожаными поясами поверх синих блуз и пиджаков. На дверях магазинов виднелись решетки и большие замки, и казался ненужным и бесцветным разложенный в громадных витринах пестрый хлам.

На углах и на стенах зданий белели наспех напечатанные большими красными буквами плакаты с огненными лозунгами:

Долой буржуазию, да здравствует диктатура пролетариата! Да здравствует мировая революция! Да здравствует Интернационал!

Товарищи, будем мужественны и тверды: на нас устремлены взоры пролетариев всего мира! Советская Россия протянет нам руку помощи через океан! Пролетарии всего мира — за нас!

Не выпустим винтовок из рук, пока не победим капитала!

Над корпусами фабрик и подъездами домов алели и шевелились полотнища красных знамен, этих вечных международных символов восстания.

Громадная толпа людей в синих блузах и потертых куртках, вооруженная винтовками и револьверами, запрудила главную площадь. Толпа была молчалива; сосредоточенное выражение закоптелых в фабричном дыму лиц подчеркивало серьезность момента; огрубелые руки крепко сжимали винтовки. Все было тихо; лишь со стен серых зданий кричали огненными буквами плакаты. Глаза всех были устремлены на широкий балкон серого, напоминавшего по внешности средневековый замок, громадного здания с башнями по углам. Сквозь широко распахнутые двери подъезда этого дома виднелась широкая, устланная пестрым ковром и уставленная тропическими растениями лестница. Около подъезда толпилось около полусотни солдат, в серых куртках с синими воротниками и маленькими красными бантами и ленточками на груди. Некоторые из них перебрасывались короткими, отрывистыми фразами с рабочими.

«Такси» Смока вынырнул из переулка и остановился на площади.

— Сейчас я разыщу кого-нибудь из ребят, — сказал Том Грей, соскакивая на панель, — он тебя проводит, Смок, в мою берлогу. Ты, вероятно, двигаться не можешь от усталости, бедняга!

— Да, устал я порядком, — отозвался весело шофер, — руки, словно чужие, и голова трещит, как после хорошей выпивки. А ты разве не устал, Том?

— Успею отдохнуть завтра. Мне необходимо побывать в Революционном Комитете, — ответил Грей, — теперь не время отдыхать.

— Ну, как хочешь, — зевая во весь рот, произнес Смок, — а я сосну часок-другой и пожру малость, если у тебя найдется что-нибудь в этом роде.

Том Грей пошарил глазами в толпе и сделал кому-то знак рукой. К нему протолкался молодой, голубоглазый парень, со светлыми, точно восковыми, усиками и, крепко пожимая его руку, вскричал:

— Том Грей! Ты, старина! А мы уж думали...

— Потом поболтаем, Боб Кеннеди! — перебил его Грей, — а пока будь другом и проводи в мою берлогу вот этого товарища. Ладно?

Вместо ответа Боб Кеннеди вскочил на сиденье «такси» рядом с шофером. Том Грей двинулся в толпу и стал проталкиваться к подъезду дома, где помещался Революционный Комитет. В тот момент, когда он уже подошел к дверям, на высоком балконе показался высокий, худощавый человек в потертом черном костюме и сером кепи. Небольшая черная борода оттеняла матовую бледность его впалых щек; черные, глубоко-впавшие глаза горели лихорадочным возбуждением. Толпа дрогнула, как один человек, и по ней пролетел тихий шепот:

— Джон Гарвей, председатель нашей Ассоциации! Глава Революционного Комитета! Сейчас будет говорить! Тише, товарищи, тише!

Человек на балконе снял кепи и поднял руку. Толпа замерла.

— Товарищи! — зазвенел с балкона сильный голос Гарвея, — мы первые подняли красное знамя восстания, пото-

му что не могли снести притеснений обнаглевшей буржуазии, которая за последнее время положительно издевалась над нами. Она упрятала в тюрьму сотни наших товарищей только за то, что они собрались обсуждать свои дела и вполне справедливо протестовали против понижения заработной платы, которая и так столь незначительна, что мы вели полуголодное существование и шатались от слабости по окончании трудового дня. Она не останавливалась ни перед чем, ослепленная ненавистью к рабочему классу, который много лет носил ее на своем горбу и кормил трудами своих мозолистых рук. Здесь, на этой самой площади, она не раз проливала нашу кровь, отвечая выстрелами своих наемников на наши справедливые требования. Буржуазия сама толкнула нас на восстание, и мы восстали. Нам нечего терять, кроме цепей и гнета. И мы поклялись не выпускать из рук винтовки, пока существует капиталистический строй. Он прогнил до основания и должен рухнуть. На его развалинах мы будем строить новый мир, в котором не будет паразитов, питающихся потом и кровью рабочих. Вот уже два дня, как мы подняли красное знамя восстания, но буржуазная клика пока ничего не предпринимает против нас. Товарищи, не верьте этому временному затишью и будьте готовы ко всему! Это затишье перед бурей. Буржуазия готовит нам страшный удар, я в этом уверен. Постараемся отразить его. У нас нет страшных оружий, у нас нет губительных танков, но зато на нашей стороне храбрость отчаяния, на нашей стороне справедливость и пролетариат всего мира. Их машинам мы противопоставим мужество отчаяния, ибо нам ничего больше не остается, как победить или умереть. Теперь, товарищи, я поделюсь с вами теми сведениями, правда, пока чрезвычайно скудными, которые мы сегодня получили о действиях наших врагов и наших единомышленников. Как нам сообщают, капиталисты растерялись и усиленно изыскивают средства раздавить нас, но в их распоряжении имеются только вооруженные полицейские отряды, так как солдат они считают ненадежными. Из Вашингтона в Нью-Йорк пришло распоряжение немедленно подавить восстание, но

власти пока ничего не могут предпринять. То обстоятельство, что летчики высланных на разведку над нашим городом аэропланов опустили и присоединились к нам, чрезвычайно смутило всех. Они полагают, что такая же история будет и в дальнейшем с другими машинами. Власти и буржуазия до смешного стали мнительными и не доверяют никому. Послезавтра Всемирной Ассоциацией Рабочих во всех Штатах будет объявлена забастовка. Возможно, что к ней присоединятся и железнодорожники. Это будет большим козырем в игре. Возможно, что наше выступление будет искрой, которая заставит восстать рабочих во всех городах Штатов. Вот все, что я хотел вам сказать, товарищи. Исполняйте распоряжения Революционного Комитета, сохраняйте мужество и спокойствие, и мы победим!

— Да здравствует всемирная революция! Да здравствует Интернационал! Долой буржуазию! — разорвал тишину рев тысячи голосов, сливаясь в могучий гул, грозным эхом промчавшийся по всем закоулкам восставшего города.

Гарвей удалился с балкона; рабочие медленно расходились, и лишь небольшие кучки тихо спорили тактике и обсуждали текущий момент.

Том Грей вошел в подъезд и спросил у стоявшего в дверях солдата:

— Товарищ, где помещается Революционный Комитет?

— Второй этаж, большой зал. Там заседание...

Грей медленно поднялся во второй этаж. В широком с венецианским окном коридоре толпились вооруженные рабочие и тихо переговаривались друг с другом, дымя трубами. У большой наглухо закрытой двухстворчатой двери стоял солдат с винтовкой.

— В зале — заседание, товарищ, туда нельзя! — сказал он, загораживая дорогу Грею.

— Но мне необходимо туда пройти: меня ждут, — ответил Том.

— Хорошо, подождите здесь!

Солдат приоткрыл дверь и сделал знак рукой кому-то в зале. Сейчас же в дверях показалась высокая фигура Гарвея.

— А, это вы! — просто сказал он, пожимая руку Грея. — Мы знали, что вы уехали в Нью-Йорк, и ждали вас с минуты на минуту. Входите, Грей!

В громадном зале с лепным потолком направо от двери виднелась наскоро сколоченная из досок эстрада, на которой стояли крытый красным сукном стол и два кожаных кресла. На столе в беспорядке валялись бумаги, печать и два автоматических пистолета крупного калибра. В зале на разного вида и стиля креслах, очевидно, собранных из разных комнат, сидело около ста человек членов Революционного Комитета, держа винтовки между колен.

По залу плавали волны синеватого дыма.

— Сейчас у нас идут выборы членов Исполнительного Комитета, — заговорил Гарвей, останавливаясь у эстрады, — если желаете, можете в них принять участие. Вы избраны заочно комендантом города. На вашей обязанности лежит охрана революционного порядка. К сожалению, во время суматохи из тюрьмы сбежало около полусотни уголовных преступников, и за последнюю ночь ими было совершено несколько краж и покушений на ограбление. Мы не имеем времени проделывать комедии суда и поэтому даем вам самые широкие полномочия. Мандат за моей подписью я вам пришлю через час в комендатуру. Кстати, в ваше отсутствие Джек Берри, которого вы хорошо знаете, уже приступил к организации комендатуры; она помещается этажом выше в этом же доме. Джек Берри останется вашим помощником. В ваше распоряжение поступает рота милиции с сержантом Спенсом во главе и полсотни наших ребят. Мы все знаем вас за честного, энергичного и стойкого революционера и надеемся на вас. Поддерживайте порядок самыми энергичными мерами. Вы имеете право расстреливать шпионов буржуазии, грабителей и убийц на месте, если, разумеется, они пойманы с поличным. За кражи, драки и пьянство отправляйте в тюрьму. Зарегистрируйте всех граждан, кроме членов Всемирной Ассоциации Рабо-

чих, и выдайте им удостоверения. Лица без этих удостоверений будут задерживаться патрулями. Вот и все, что я вам хотел сказать. Мы надеемся на вас, Грей. Повторяю, если хотите принять участие в выборах — оставайтесь, если нет — отправляйтесь в комендатуру. Постарайтесь наладить работу.

Грей простился с Гарвеем, кивнул головой сидевшим в зале товарищам и направился в комендатуру.

ДОЛЛИ ПОЯВЛЯЕТСЯ В БЛЕКВИЛЕ

В широком коридоре 3-го этажа, в густом табачном дыму толпились вооруженные рабочие, тихо переговариваясь друг с другом.

У окон небольшие кучки читали воззвание Революционного Комитета. В большом зале, застланном дорожными коврами, за пятью длинными, расставленными в ряд столами, в обитых голубым плюшем креслах сидело десять человек работников комендатуры; они сосредоточенно скрипели перьями. В дверях толпились солдаты. У венецианского окна, за мозаичным столиком сидел в кожаном кресле чернокудрый, смуглолицый человек с маленькой, кудрявой бородкой, одетый в кожаную куртку и, крепко сжав заскорузлыми, толстыми пальцами ручку, медленно выводил буквы на бумаге.

— Алло, Джек Берри! — заговорил, подходя к нему Том. — Что, старина, видать, не легко тебе справляться с этой штукой?

— Алло, Грей! — отозвался Берри, швыряя ручку на стол и стискивая руку Грея. — Я рад видеть тебя, старина! Теперь я эту штуку свалю на тебя. А то я всего с год ходил в воскресную школу, да и то не каждую неделю, так как охота и рыбная ловля казались мне куда интересней чтения, письма и медовых речей учителей, стиравшихся набить мою голову разным вздором о богах и прочем. Читать-то я после самоучкой насобачился здорово, а вот с письмом — слаба гайка, пальцы больше к молотку и зубилу привыкли. Садись на мое место и валяй, строчи, накладывай резолюции, подписывай приказы. А я буду исполнять твои распоряжения, это мне больше по душе. Готов работать день и ночь, только бы не держать в руке этого гнусного пера! Валяй, старина!

Том Грей уселся на его место, придвинул к себе кипу бумаг и с этого момента с головой ушел в работу.

Сумерки просочились в стекла венецианских окон; под белым лепным потолком вспыхнула электрическая люстра, заливая волнами белого света зал, а Грей все сидел за столом, разбирая бумаги, донесения начальников охраны, написанные неровным, корявым почерком, рапорта сержанта Спенса и распоряжения Революционного Комитета. Наконец, утомленный предыдущей бессонной ночью и тревожностями минувшего дня, он бросился на обитый голубым плюшем диван и заснул, как убитый. Джек Берри занял за столом его место, принимая ночные донесения и отдавая распоряжения начальникам охраны и солдатам. Том Грей проснулся утром, когда комендантская комната была уже залита ярким солнечным светом. Все были на своих местах, и Джек Берри официальным тоном доложил ему о происшествиях минувшей ночи. Было задержано около дюжины бежавших из тюрьмы преступников и четверо неизвестных, заподозренных в шпионаже. Грей сбежал вниз, наскоро закусил в ближайшем кафе и снова углубился в работу. В этот день ничего нового не случилось в восставшем городе, и не было получено сведений из других городов. Отряд рабочих в полдень двинулся к холму, но полицейские, заметив его еще издали, вскочили на мотоциклы и удрали. Когда отряд удалился к городу, полицейские снова появились на холме. Рабочие завязали было с ними перестрелку, но по телефону из Революционного Комитета отдано было распоряжение прекратить стрельбу. Вечером, когда на улицах вспыхнули яркие электрические звезды, Грей пошел обедать в кафе и, вернувшись в комендатуру, увидел Джека Берри, громко кричавшего в телефонную трубку на мозаичном столике:

— Да, да, в комендатуру... Она одна? Ладно, мы ждем. Посмотрим, что это за птица! О'Коннор, безмозглая голова, вы можете вызвать по телефону автомобиль из гаража, поняли? Ну, то- то! Ладно, значит все в порядке?

— В чем дело, Джек? — быстро спросил Грей.

— Да видишь ли, наша застава задержала какую-то женщину, прикатившую с холма от полицейских на велосипеде. Я приказал ее доставить сюда. Очевидно, шпионка.

— А! — равнодушным тоном протянул Грей и принялся просматривать донесения. Через час дверь в зал отворилась и вошла высокая фигура женщины в черном суконном костюме и серой мужской кепке. За нею следом вошли два солдата с винтовками в руках. Грей оторвал глаза от бумаг, взглянул на вошедшую и вскочил, опрокинув свой стул.

— Долли! — вскричал он, не веря своим глазам. — Ты? Каким образом?

Долли, весело улыбаясь, подошла к нему и протянула ему загорелую руку, которую он стиснул обеими руками.

— Это — длинная история! — заговорила она, поправляя левой рукой выбившиеся из-под кепки пряди черных волос. — Я здесь — это самое главное!

— Джек! — обратился Грей к своему помощнику, — эта девушка — моя невеста и приехала ко мне. Сейчас я отвезу ее на квартиру и часа через два вернусь.

— Ладно! — отозвался Берри, усаживаясь за стол и протягивая к кипе бумаг заскорузлую руку, — ты смело можешь вернуться утром. Ручаюсь, все будет в порядке. Я даже готов подписать парочку бумаг.

— Нет, старина, время дорого, и я скоро вернусь, — сказал Грей и, взяв под руку Долли, направился к выходу.

— Ты, вероятно, адски устала, дорогая? — спросил он, нежно заглядывая ей в глаза. — Мы сядем в автомобиль...

— О, нисколько, ни капельки не устала! — весело отозвалась Долли, — ведь я только от холма ехала на велосипеде, а по городу меня везли на автомобиле. С удовольствием пройду пешком. Ты далеко живешь?.. Это не важно. Я не устала.

Они вышли на площадь и зашагали по ярко-освещенной улице.

— Ну, расскажи, дорогая, как ты сюда добралась? — спросил Грей, не сводя глаз с ее сияющего счастьем лица. — Я прямо не верю своим глазам!

— О, это очень забавная история! — весело прощепетала девушка. — Сейчас расскажу тебе все подробно. После того, как мы с тобой расстались, я узнала о восстании из газет. Так как я сразу сообразила, что на линии Нью-Йорк-Блеквиль поезда перестали курсировать, то и стала раздумывать, как бы мне к тебе пробраться. Что ты, так или иначе, вернулся в Блеквиль, — я в этом ни капельки не сомневалась. Я подумывала нанять «такси», но потом сообразила, что ни один шофер не согласится ни за какие деньги везти меня в восставший город, да и денег у меня было маловато. Тогда я вспомнила о своем велосипеде. Встала сегодня на восходе солнца, разбудила тетюшку Джен и объявила ей, что собираюсь отправиться на велосипеде к Мери Морленд и что прогощу у нее два-три дня. Тетюшка Джен раскудахталась, как курица, обругала меня взбалмошной девчонкой и проводила до ворот. На шоссе меня догнал автомобиль, в котором ехали к Блеквиллю инспектор полиции, его помощник и какой-то бритый тип в зеленом пальто. Инспектор полиции попросил меня остановиться, спросил, кто я и куда еду. Я ему ответила, что я дочь профессора Монгомери и еду в Блеквиль, где меня ждет умирающая любимая тетюшка. Пришлось наврать в три короба о наследстве, которого я жду, но, несмотря на это, он сделал страшные глаза и потребовал, чтобы я вернулась домой. Я, разумеется, категорически отказалась. Ах, как я разозлилась, Том! Я готова была исцарапать его толстую рожу! Представь, он объявил мне, что вернет меня силой! К счастью, тут вмешался субъект в зеленом пальто, оказавшийся репортером «Геральда». Он попросил инспектора не задерживать меня и даже взять в автомобиль. Я сразу догадалась о причине его любезности: он услышал фамилию моего отца и решил расспросить меня о нем дорогой для статейки. Инспектор после долгих колебаний, наконец, согласился; я уселась вместе с моей машиной в автомобиль и без всяких приключений доехала до полицейской заставы на холме.

Только репортер смертельно надоел мне расспросами о моем отце и о его открытии. Тоже пришлось наврать и ему; он положительно сиял от восторга, как хорошо вычи-

щенная медная кастрюля. У заставы инспектор полиции все старался отговорить меня от поездки в город и рассказывал про вас такие ужасы, что у более легковверного человека волосы стали бы дыбом. Но я заявила ему, что хочу, во что бы то ни стало, закрыть глаза умирающей тетушке, которая иначе может лишить меня миллионного наследства. Последний аргумент заставил его замолчать, я вскочила на велосипед и помчалась к городу; твои товарищи задержали меня у предместья, и... остальное тебе известно!

СМОК УЕЗЖАЕТ ИЗ БЛЕКВИЛЯ

— Скажи, Долли, что о нас говорят и пишут в газетах?
— помолчав, спросил Грей.

— Все газеты полны сведениями об ужасах в Блеквиле, — весело ответила Долли. — Пишут, что вы расстреляли всю буржуазию и всю интеллигенцию — учителей, инженеров и попов; что улицы загромождены неубранными трупами, среди которых блуждают освирепевшие пьяные рабочие... Пишут, что в Блеквиле иссякли запасы продовольствия, и жители голодают...

— Ослы и негодяи! — вскричал Грей, — действительно, мы посадили в тюрьму дюжину капиталистов, наиболее угнетавших рабочих, остальные же удрали, и мы их не стремились удержать. Что же касается интеллигенции, то часть ее бежала вместе с буржуями, большая же часть присоединилась к нам и с оружием в руках готова помогать нам в борьбе. Запасов продовольствия у нас хватит на несколько месяцев. Но что собираются предпринять наши враги? Ты ничего не слыхала?

— По городу носятся слухи, что собирались выслать против вас войска, но солдаты категорически отказались выступить в поход. Даже газовые отряды, составленные из наиболее надежных людей, отказались. Теперь, кажется, спешно формируют полицейские отряды, — так, по крайней мере, говорил дорогой инспектор полиции.

— Ну, эти отряды не страшны, даже с артиллерией! — проговорил Грей. — Кроме того, не сегодня-завтра вспыхнет восстание и в других городах. Мы в этом убеждены. А вот мы и дома!

Они остановились у подъезда громадного каменного корпуса общежития, поднялись по тускло-освещенной каменной лестнице во второй этаж и вошли в узкий длинный

коридор, сиявший редкой цепью электрических ламп под потолком.

— Вот моя комната! — сказал Грей и, открыв дверь, пропустил вперед девушку. Долли вошла и с любопытством огляделась. Небольшая квадратная комната в одно окно освещалась единственной, привинченной к потолку, лампочкой; стены и потолок были выкрашены белой масляной краской; пол — застлан линолеумом; у стены стояла железная кровать, над которой висели портреты Маркса и Ленина в черных рамах, и этажерка с книгами. Посредине комнаты стоял небольшой, застланный клеенкой, квадратный стол, четыре венских стула и единственное потертое кожаное кресло, с которого, при виде Долли и Тома, быстро вскочил Бен Смок.

— Эй, Том, дружище, — весело вскричал он, — ты, видно, совсем забыл про меня! Я тут скучал, отсыпался и старался развлекаться чтением, но книги на твоей этажерке чертовски серьезны! И мисс Долли здесь? Очень рад вас видеть!

Веселый шофер крепко пожал им руки, предупредительно пододвинул девушке кресло и продолжал:

— Знаешь, Том, я ждал тебя с нетерпением. Видишь ли, я всей душой сочувствую тебе и твоим товарищам и готов колошматить буржуев, но меня ждет моя старуха, я обещал ей скоро вернуться. Не считай меня изменником и трусом. Том! Я решил сейчас выехать восвояси. Мой «такси» — рядом, в гараже; я уже приготовился в путь. Словом, я уезжаю, Том!

— Но как же с заставой на холме? — спросил Грей.

— А что мне могут сделать полицейские? Отправят в Нью-Йорк, допросят и отпустят — вот и все. Я им, разумеется, навру с три короба. Не посадят же меня в тюрьму только за то, что я уехал домой из восставшего города!

— Ладно, я провожу тебя до нашей заставы и прикажу пропустить, — сказал Том.

— Идет! — я сейчас выкачу из гаража машину и зайду за тобой!

— Одну минуту, мистер Смок! — обратилась к нему Долли, — я хочу просить вас оказать мне большую услугу.

— Все, что угодно, мисс! — вскричал веселый шофер.

— Можете вы лично передать от меня письмо моему отцу? Разумеется, по возможности, поскорее. Он не знает, что я в Блеквиле, и я хочу сообщить ему, что я — у Тома.

— Можете на меня вполне положиться, мисс, — отозвался Смок, — письмо я так запрячу, что никакая полиция его не разыщет. И передам тут же, как только приеду в Нью-Йорк.

Шофер вышел. Долли написала письмо, вложила его в конверт, и весело вскричала:

— Вот удивится господин профессор! А тетушка Джен, наверное, проклянет меня. Хотя, признаться, мне будет здесь недоставать их обоих. При первой возможности мы с тобой, Том, съездим к отцу. Я уверена, что он смягчится. Он так меня любит и простит все...

Она замолчала, задумчиво вертя в руках письмо.

Том подошел к ней и ласково положил ей руку на плечо. У двери послышался предупреждающий кашель деликатного Смока, и шофер вошел, отдуваясь.

— Готово! — проговорил он, закуривая трубку, — едем, Том!

Смок спрятал письмо в карман куртки, простился с Долли, захватил свой дорожный мешок и вышел в коридор.

— Я проеду от заставы прямо в комендатуру и вернусь к тебе утром, дорогая, — проговорил Том. — Располагайся здесь, как дома, тебя никто не потревожит. Если что понадобится, смело обращай к соседям. Здесь живут все наши ребята!

— Хорошо, я буду ждать тебя, Том! — отозвалась Долли, с нежностью взглянув на него.

Том Грей выбежал из комнаты, спустился с лестницы и уселся рядом со Смоком; «такси» полетел по ярко освещенным гирляндами электрических шаров улицам, ослепляя яркими фонарями встречные патрули, задерживавшие подозрительных пешеходов. За окраиной города, где кончалась цепь электрических звезд и сгущалась ночная темно-

та, горел яркий костер, вокруг которого двигались темные фигуры с винтовками в руках.

Автомобиль замедлил ход и остановился шагах в тридцати от костра. Молчаливые фигуры повернулись к нему, держа винтовки наизготовку, и сейчас же послышался резкий окрик:

— Эй, там, на моторе! Ни с места!

— Да мы уже и так стоим, О'Коннор! — отозвался, смеясь, Грей, — ты поздно предупреждаешь. Спал, старина?

— Это так, для пущей важности я окликнул, — отвечал О'Коннор, подходя к «такси», — я знал, кто мчится, сломя голову, к нам. Какого черта, кроме тебя, Том Грей, понесет ночью из города! Я сразу догадался, что это ты. Приехали нас проверить?

— Нет, я провожаю приятеля, — ответил Грей, соскакивая на шоссе, — он отправляется в Нью-Йорк!

О'Коннор только удивленно пожал плечами, как бы желая сказать: «Ну, что ж, если так нужно, значит все в порядке!»

— Держи, Смок! — повернулся Грей к шоферу, протягивая ему пачку кредиток, — на эти деньги купишь подарки Нэнси! А за поездку рассчитаемся после. Я твой вечный должник, дружище!

— Не говори глупостей! — перебил его Смок, пряча деньги, — ты дал и так чересчур много. Ишь, какая пачка! И половины бы хватило! Ну, ладно, коли дают — я беру. Такой уж у меня характер!

— Письмо у тебя?

— Есть! Запрятал так, что сам черт не разыщет. Первым долгом явлюсь к профессору, а потом в Союз шоферов. Там я расскажу, что у вас творится, и ребята, я уверен, захотят устроить такую же штуку и в Нью-Йорке. Свой своему по неволе брат! Всегда поддержим, шоферы — теплые ребята.

Друзья крепко пожали друг другу руки, и «такси» полетел, пофыркивая, по шоссе к холму, разрезая тьму белыми лучами фонарей. Грей несколько минут молча смотрел ему вслед, потом простился с О'Коннором и медленно побрел от заставы к городу.

МОНГОМЕРИ ГОТОВИТСЯ В ДОРОГУ

В это серенькое утро профессор Монгомери проснулся, как обыкновенно, в семь часов утра, вышел на балкон, напился кофе и потянулся к пачке утренних газет, но в этот момент в дверях показалась тетушка Джен и прогудела своим жирным басом:

— Вас просят к телефону, мистер Монгомери!

— Черт бы побрал осла, который с раннего утра беспокоит людей, — раздраженно вскричал профессор, вскакивая с качалки, — вероятно, опять репортер или какой-нибудь любопытный коллега! С тех пор, как появилась в газетах эта идиотская статья о моем открытии, мне не дают покоя! Я сниму телефон к черту, честное слово!

— Прикажете сказать, что вас нет дома? — спросила экономка.

— Вам бы следовало спросить, кто говорит! — сердито буркнул профессор.

— А вам нечего меня учить, мистер Монгомери! — с видом оскорбленного достоинства произнесла тетушка Джен. — Я, разумеется, догадалась это сделать. С вами желает говорить Джим Маклин!

— А! Так какого же черта вы мне не сказали этого сразу? — вскричал Монгомери и бросился к телефону, не обращая внимания на уничтожающий взгляд оскорбленной до глубины души экономки.

— Алло, я слушаю! — закричал он, поднося к уху трубку, — я слушаю! Алло, мистер Маклин! Да, это я, Монгомери!.. Как? Сегодня?.. Через час? Великолепно, я вас жду... Да, я успею приготовиться... Очень рад! Жду!

Он повесил трубку и с просиявшим лицом вышел на балкон, где экономка убирала со стола посуду.

— Тетушка Джен, я уезжаю! — заговорил он в радостном волнении, птичьей походкой расхаживая по балкону,

— и вернусь поздно вечером. Долли еще спит?

— Мисс Долли позавчера утром уехала на велосипеде к Морлендам, — сердито отрубила экономка.

— Черт возьми, эта девица окончательно отбилась от рук! — полуслушливо, полусердито вскричал он, — то ее похищают, то она неожиданно исчезает сама. Ну, да я теперь нашел хороший способ заставить ее сидеть дома!

Он помолчал и уже серьезно заговорил снова:

— Тетушка Джен, вы служите у меня со дня смерти моей жены, то есть добрый десяток лет, и я вас считаю близким человеком. Поэтому я не хочу скрывать от вас, что я принял одно важное решение. Дело в том, что я решил выдать Долли замуж за этого Грея, но с условием, что он поселится у нас в доме. Конечно, он согласится, об этом нечего и толковать. Если Долли вернется в мое отсутствие, сообщите ей эту новость, обрадуйте ее. Можете сказать ей, что я разрешаю ей пригласить Грея к нам немедленно. Кстати, он, кажется, теперь в Нью-Йорке и, вероятно, вместе с Долли гостит у Морлендов. О, моя девчурка не любит зевать и все устраивает по-своему!.. Пожалуйста, заложите на всякий случай в мой чемодан пять плиток шоколаду, мою дорожную флягу с коньяком и дюжину сигар. Положите еще карманную аптечку. Ну, кажется, все. Ах, да, я и забыл! Приготовьте дорожное пальто, шляпу и зонтик! Непременно зонтик! Я думаю совершить длительную прогулку, а моторы этих миллиардеров никогда не имеют верха, как это ни странно!

Тетушка Джен, сотрясая половицы своими грузными шагами, удалилась с балкона, а профессор Монгомери в радостном волнении снова забегал по балкону. Ему представлялся блестящий случай проделать опыт с «лучами смерти» в большом масштабе и притом с ведома и поощрения властей. О восстании в Блеквиле он узнал еще накануне из газет, немедленно запаковал части своего прибора в ящики из прочной фанеры и стал ждать с нетерпением приглашения явиться к нефтяному королю и продемонстрировать действие страшных лучей. Приглашения не последовало, зато Джим Маклин по телефону сообщил, что сам заедет

за ним и вместе с ним отправится к Блеквиллю. О том, что через несколько часов он, профессор, человек науки, совершит неслыханное, необычайно жестокое дело уничтожения тысяч невинных людей, истребив своими «лучами смерти» население целого городка — над этим Монгомери совершенно не задумывался. Воспитанный в буржуазной семье, с молоком матери впитавший буржуазную идеологию, он смотрел на рабочих, как на скотов или, в лучшем случае, как на дикарей. В силу инстинкта он любил свою дочь и свою покойную жену, даже был способен на некоторые жертвы для них, но его черствой эгоистической натуре были совершенно чужды любовь к человечеству и жалость к людям; вообще, гуманные чувства не были ему привиты ни воспитанием, ни средой, которая его окружала. Он с головой ушел в область точных наук, изучал физику, химию и механику, и вне этой области ничего не хотел знать. Обладая колоссальными познаниями в этих науках, он был почти невеждой в литературе, истории и науках социальных. В основу его мировоззрения легло присущее буржуазии убеждение, что в мире одни должны работать и жить впроголодь, другие — пользоваться плодами их трудов и наслаждаться всеми благами жизни; что весь мир с его сотворения разделяется на эксплуататоров и эксплуатируемых, что это — непреложный, неизменный закон жизни и что иначе быть не может: так было — так будет всегда! Когда в газетах появились сообщения о рабочих волнениях, он читал эти сообщения с чувством нудного раздражения и удивлялся этим чудачкам, которые путем вооруженной борьбы думали добиться улучшения своего положения и даже мечтали о коммунистическом строе. Этого никак не мог понять профессор Монгомери.

И теперь он не без удовольствия думал о том, как он одним ударом уничтожит толпу дикарей, осмелившихся восстать против своих благодетелей-хозяев и совершивших, как писали инспирированные разными «королями» газеты, ряд невероятных жестокостей; — этим он надолго отобьет у других охоту к подобным безобразиям.

Шум тяжелых шагов заставил его поднять голову. В дверях появилась бочкообразная фигура Джима Маклина и широко пальто и нахлобученной на глаза серой кепке.

— Алло, профессор! — проскрипел он, подходя к качалке и бесцеремонно разваливаясь в ней, — вы готовы? А где ваш прибор?

— Прибор запакован и находится в лаборатории, — отозвался профессор, — части его помещаются в двух ящиках, довольно тяжелых. Кто же их дотащит до автомобиля? Вот, может быть, ваш шофер... Но нужно бы двух человек...

— У нас целых три шофера! — перебил его нефтяной король, — мы отправляемся в путешествие большой компанией на трех автомобилях. Пошлите кого-нибудь вниз; шоферы — народ здоровый и дотащат ящики.

Монгомери нажал кнопку звонка и сказал немедленно появившейся в дверях эконолке:

— Будьте добры, дойдите до ворот и скажите шоферам, чтобы они поднялись сюда и донесли до автомобиля те ящики, которые находятся в лаборатории. Проводите их туда и понаблюдайте над ними.

— Позвольте вам заметить, что подобные поручения не входят в круг моих обязанностей! — рассердилась эконолка. — Я вам сто раз об этом говорила! Я на этот раз исполню вашу просьбу, но чтобы это было в последний раз!

И тетушка Джен величественно удалилась.

— Значит, вы ручаетесь, уважаемый профессор, что ваш прибор превратит в пепел весь город? — спросил, попыхивая сигарой, нефтяной король.

— Я ручаюсь, что все, что способно гореть — сгорит... что способно взрываться — взорвется! — отозвался Монгомери, расхаживая по балкону. — В действии моего прибора я не сомневаюсь, но точно не могу определить сферы его действия. Во всяком случае, она довольно обширна. Я не могу превратить в пепел каменных зданий, построек из бетона и металлических предметов, но я сожгу людей, взорву ружейные патроны и оружейные снаряды, если они там имеются. Этого, кажется, будет достаточно!

— О, вполне достаточно! — с гримасой, изображавшей улыбку, вскричал Маклин.

— Готово! — доложила экономка, появляясь в дверях.
— Ящики снесли в автомобиль!

Профессор Монгомери надел широкое серое пальто и серую шляпу, выхватил из рук экономки небольшой желтой кожи чемоданчик и огромный черный дождевой зонт, с которым он не расставался, несмотря ни на какую погоду, во время своих редких прогулок по городу.

— Помните, о чем я вас просил, тетушка Джен! — говорил он, размахивая зонтом, — обрадуйте Долли. Вернусь я вечером непременно!

— Счастливого пути! — прогудела экономка ему вслед.

Профессор, подпрыгивая, сбежал с лестницы, в сопровождении старавшегося не отставать толстяка Маклина, и подбежал к воротам. У ограды стояли три больших открытых автомобиля. В одном из них виднелась долговязая фигура Гарри Моргана, стального короля; в черном узком пальто и в черной широкополой шляпе он еще более стал похож на методистского проповедника. Рядом с ним сидел плотный человек в синем мундире, с бульдожьим лицом; это был инспектор полиции. Второй автомобиль ждал Маклина и профессора, а в третьем помещалось четверо полицейских. У автомобилей стояли два фанерных ящика кубической формы, один вышиной в метр, другой — в полтора. К меньшему тонкой бечевкой был прикреплен массивный треножник, напоминавший устройством штатив фотографического аппарата.

Полицейские приветствовали профессора почтительным поклоном; стальной король небрежно притронулся затянутой в черную перчатку узкой рукой к полям шляпы.

— Алло, профессор! — крикнул он. — Ваши ящики я могу забрать в мой автомобиль!

— Извините, мистер, я предпочитаю поместить их на том автомобиле, на котором поеду сам! — решительным тоном заявил Монгомери. — Они не громоздки и поместятся, где угодно!

— А от сотрясения с ними ничего не случится? — быстро спросил Маклин, опасливо косясь на ящики.

— Части прибора мною упакованы лично и с ними произойти ничего не может! — ответил Монгомери, с нежностью поглядывая на фанерную оболочку, скрывавшую его страшное изобретение, его детище, над которым он работал долгие годы.

— Да я не об этом! — сердито проскрипел Маклин. — Не может ли что-нибудь взорваться в этих ящиках?

— О, на этот счет не беспокойтесь! — усмехнулся Монгомери. — Там никаких взрывчатых веществ не имеется.

— Ну, тогда в путь! — вскричал нефтяной король. — Грегори, уложите ящики на переднее сиденье!

Шофер соскочил с сиденья, с усилием поднял большой ящик, поместил его в гнезде переднего сиденья, поместил рядом с ним другой и снова уселся на свое место. Джим Маклин ввалился в автомобиль, профессор сел рядом, и Гарри Морган скомандовал:

— Вперед!

Его автомобиль двинулся первым, за ним — автомобиль нефтяного короля, а сзади, в качестве охраны, следовали полицейские.

XXIII

НА ХОЛМЕ ПЕРЕД БЛЕКВИЛЕМ

Все три автомобиля имели сильные глушители и с легким потрескиванием, почти бесшумно, скользили по мостовой. Когда они вынеслись на мостовую, инспектор полиции наклонился к уху стального короля и тихо проговорил:

— Неужели этот старый чудак не знает, что его дочь в Блеквиле, среди бунтовщиков? Позавчера я сам довез ее до нашей заставы на холме. Никаких сведений о том, что она вернулась домой, у нас не имеется...

— Очевидно, она удрала без разрешения отца, — процедил сквозь зубы Морган.

— Но ведь в сегодняшнем номере «Геральда» помещено интервью с дочерью профессора Монгомери, отправившейся в Блеквиль хоронить тетку, — продолжал недоумевать инспектор. — Неужели Монгомери не читает «Геральда»?

— Очевидно, он или читает другую газету, или совсем не читает газет! — хладнокровно заметил стальной король.

Инспектор полиции помолчал несколько минут и заговорил снова:

— Как вы думаете, мистер Морган, не следует ли мне предупредить профессора, что его дочь в Блеквиле? Ведь можно было бы вызвать ее как-нибудь оттуда и спасти!

— Только посмейте это сделать, болван вы этакий! — бешено сверкнул своими стальными глазами Морган, — сейчас же полетите к черту со своего места! Не суйте нос в чужие дела! Лес рубят, — щепки летят!

Инспектор полиции побагровел, пугливо замигал рачьими глазами, хотел что-то еще сказать, поперхнулся и замолчал. Стальной король окинул его уничтожающим взглядом, заставившим толстяка сжаться и презрительно усмехнулся. Гарри Моргану прекрасно было известно, что дочь профессора Монгомери — в Блеквиле, у своего жениха. Стальной король думал, что если Долли погибнет в восставшем горо-

де, профессор будет считать виновниками ее гибели рабочих; ведь ради одного из них она бежала в Блеквиль. После этого профессор будет еще более жесток и озлоблен против пролетариата, что было весьма на руку стальному королю и его друзьям. Так думал Морган, стальной король, покачиваясь на сиденье своего автомобиля. Профессор же Монгомери сидел рядом с задремавшим от плавной качки Джимом Макклином и думал о своей дочери. Вероятно, Долли уже вернулась от Морлендов, и тетушка Джен сообщила ей радостную весть. Теперь Долли не так часто будет отлучаться, у нее будет защитник, и он, профессор Монгомери, может быть за нее совершенно спокоен. После этой поездки он получит еще чек на крупную сумму и постарается предоставить своей дочери и ее мужу все удобства и комфорт, какой только могут позволить себе богатые люди. Сейчас он будет производить опыт со своим открытием, в несколько секунд уничтожит бунтовщиков, и его имя покроется славой, как имя человека, своим открытием обеспечившего порядок на всем земном шаре и уничтожившего навсегда такую жестокую, бессмысленную вещь, как война. Ибо разве мыслима она после открытия «лучей смерти», которые в несколько минут могут уничтожить целую армию, отстоящую от излучающего их прибора на целую милю. О, его имя будет бессмертно!

Скрипучий голос Маклина спутнул его мечты и заставил его вздрогнуть от неожиданности.

— Вон, там, впереди, холм... — проговорил нефтяной король, очнувшийся от дремоты, — там мы остановимся. С холма весь город виден, как на ладони.

Автомобили замедлили ход, взбираясь по подъему к вершущке, взлетели на холм и остановились. Шестеро полицейских в синих мундирах выстроились по обоим сторонам шоссе, приложив руки к козырькам фуражек.

— Ну, что слышно у вас, Гаррисон? — начальственным тоном спросил инспектор полиции, выскакивая из автомобиля.

— Пока все обстоит благополучно, господин инспектор! — отозвался высокий, рыжеусый полицейский. — Вчера

ночью, как вы приказали, Кит Бертон отправился к бунтовщикам. Пока он не вернулся. Не думаю, чтобы он влопался, Бертон — парень ловкий. Вчера бунтовщики открыли пальбу, но не сделали нам вреда. Вот и все, господин инспектор!

Инспектор кивнул ему головой и направился к самой высокой точке холма, где группа его спутников в бинокли рассматривала восставший город.

Инспектор вынул из футляра свой бинокль и приложил к глазам. Вдали, в котловине, под низко-нависшим облачным небом застыла серая громада высоких каменных зданий, опоясанных зеленью садов предместья, среди которой краснели железные крыши низеньких домиков. По обоим сторонам шоссе между холмом и городом щетинилась зелень низенького густого кустарника и кое-где сияли тусклой сталью воды мелких болот. У самого предместья на шоссе двигались темные фигуры. На главной площади замечалось усиленное движение, и по прилегающим к ней улицам двигались толпы темных фигур. Площадь походила на огромный муравейник. Инспектор оторвал глаза от бинокля и огляделся. В пяти шагах от него оба короля внимательно смотрели в бинокли, а профессор Монгомери спокойно сидел на одном из снятых с автомобиля ящиков и ел шоколад, по временам прикладываясь к объемистой фляге с коньяком. Неожиданно один из полицейских, толпившихся у автомобилей, громко вскрикнул и указал пальцем вниз, в кусты у подошвы холма. Инспектор заметил фигуру человека, выскочившего из канавы и бегом взбиравшегося на холм.

— Это — Бертон, господин инспектор! — доложил ему рыжеусый Гаррисон. — Но в каком он виде, бедняга!

Действительно, субъект, поднимавшийся по склону холма, имел ужасный вид: бритое лицо его было покрыто царапинами, словно он дрался с целой армией бешеных кошек; на лбу алели засохшие пятна крови, темные волосы свалились от грязи в плотный колтун; потертый пиджак висел лохмотьями на его худощавой фигуре и был заляпан грязью; на рваных черных брюках серели клочья паутины.

Обутые в грубые ботинки ноги своей толщиной напоминали ноги слона от прилипшей к ним грязи.

— Черт возьми! стреляйте в него! — визгливо вскричал Джим Маклин, подбегая вместе с Морганом к инспектору, — это один из этих бродяг-бунтовщиков!

— Это наш парень, мистер Маклин, — успокоил тот его и на всякий случай крикнул: — алло, это вы, Бертон?

— Так точно, господин инспектор! — прохрипел, подбегая, разведчик и остановился, тяжело дыша.

— Ну, рассказывайте! — нетерпеливо проговорил инспектор.

— Одну минуту. Позвольте отдышаться! — прохрипел Бертон, размазывая ладонью грязь по лицу. — Ох, никогда я, кажется, не был в такой передрыге! За всю мою жизнь!

Он помолчал несколько минут и заговорил снова:

— Вчера по вашему распоряжению я нарядился так, как огородное пугало, и направился с наступлением темноты к Блеквилю. Я прокрался по кустам в предместье, где на шоссе бунтовщики разложили большой костер. Вокруг всего города у них расположены сторожевые посты, и караульную службу они несут великолепно, — это я испытал на своей шкуре. Я вертелся часа три около предместья, пока мне удалось проскользнуть в город. Хорошо еще, что мне часто приходилось бывать в Блеквиле и я его знаю, как свои пять пальцев. Я предполагал потолкаться в толпе и послушать разговоры, а к рассвету вернуться на холм; но дело не вышло: улицы были пусты. Я пошел к главной площади и нарвался на патруль.

«Стой, кто идет»? — крикнули мне.

«Рабочий, разве вы не видите»? — отвечаю я и останавливаюсь.

«Где работаете»? — спрашивают.

«На сталелитейном заводе Моргана».

«В комендатуре зарегистрированы»? —

«А то как же?» — отвечаю, а у самого дрожат поджилки: а вдруг потащат в комендатуру!

«Покажите удостоверение»!

Тут я хотел выхватить револьвер, да, к счастью раздумал и решил поторговаться.

«Товарищи, — говорю, — у меня умирает годовалый ребенок, и я бегу к доктору. Он заболел неожиданно, я так заторопился, что позабыл захватить удостоверение. Оно у меня в кармане нового пиджака. Я живу в общежитии на 20-й улице. Если вы мне не верите, — пусть один из нас проводит меня, но прошу вас, не задерживайте меня!»

«Ладно, — говорит долговязый парень из этой теплой компании. — Мы не будем разводить формалистики, мы без удостоверения узнаем, что вы за птица. Покажите-ка мне ваши руки!»

Тут у меня отлегло от сердца. Я сразу понял этот фокус. Нужно вам сказать, господин инспектор, что я в свободное время столярничаю дома и готов за этой работой проводить дни и ночи. За пристрастие к ней мне порядочно доставалось от моей Манн, но если бы моя старуха могла предугадать, как меня выручило из беды увлечение этой работой...

«Можете идти, товарищ! — сказал мне долговязый парень. — А вы, товарищи, не беспокойтесь. У него на лапах мозоли лучше всякого паспорта говорят, что он из трудящегося класса. С такими мозолями шпионов не бывает».

«Счастливого пути, товарищи»!

— Я — давай бог ноги. Выхожу на площадь, подхожу к ярко-освещенному подъезду, перед которым стоят несколько автомобилей и снуют туда и сюда вооруженные бунтовщики. Из их болтовни узнаю, что в этом доме помещается Революционный Комитет, заседающий непрерывно и днем и ночью, что бунтовщики завязали сношения по радио с ячейками Всемирной Ассоциации Рабочих других городов и уверены в их помощи. Слышал я, что с завтрашнего дня начнется всеобщая забастовка в Штатах и восстания в других городах. На сегодняшний день в три часа дня назначено на площади общее собрание всех бунтовщиков; на этом собрании Комитет объявит какие-то важные решения. Вот все, что я узнал. В здание я не рискнул войти и решил дать тягу, пока было темно. Я благополучно миновал десятка

два патрулей, дошел до сторожевых постов за предместьем и стал прокрадываться мимо часовых, но тут меня заметили и погнались за мной. Я бросился в кусты, завяз в топком болоте и остановился, а бунтовщики открыли по мне стрельбу. К счастью, при мне было несколько обойм для моего «Кольта», и я стал отстреливаться, эта потеха с игрой в прятки по кустам продолжалась до рассвета, а на рассвете я бросился к шоссе, но здесь меня заметила кучка бунтовщиков у заставы, и я принужден был снова удрать к болотам. Погоня далеко угнала меня от шоссе и травила в кустах, как дикого зверя. Когда я уже был не в состоянии бежать и упал на землю, погоня прекратилась; очевидно, бунтовщики тоже чертовски утомились бегать по топкому болоту. Тогда я пошел вдоль шоссе по кустам и выбрался к холму...

Он замолчал. Пассажиры автомобиля, окружившие его и внимательно слушавшие его рассказ, переглянулись.

— Вы, кажется, сказали, что сегодня в три часа собрание всех бунтовщиков на площади? — быстро спросил Гарри Морган, вынимая хронометр.

— Да, ровно в три часа, как я слышал...

— Сейчас половина третьего, — процедил сквозь зубы стальной король. — Не пора ли начать, профессор; как вы думаете? Все бунтовщики сейчас, вероятно, на площади...

— Хорошо! — спокойно отозвался Монгомери, вставая с ящика и наклоняясь над ним.

ПРИБОР ПРОФЕССОРА В ДЕЙСТВИИ

— Знаете, Джим, — заговорил стальной король, подходя к Маклину и понижал голос до шепота, — ведь это очень удачное стечение обстоятельств! Если действие прибора этого старикашки действительно таково, как он утверждает, мы сейчас убьем двух зайцев: уничтожим бунтовщиков и разредим безработицу в других городах. Если здесь, в Блеквиле, все рабочие передохнут, как мухи, от этих лучей, мы двинем сюда безработных из Нью-Йорка. Этим мы откроем своего рода предохранительный клапан, отчасти ликвидируем безработицу и дадим хороший урок этим зазнавшимся блюзникам.

Джим Маклин, сосредоточенно куривший сигару, молча кивнул головой. Взгляды присутствующих устремились на профессора, возившегося над своими ящиками. С помощью полицейских Монгомери извлек из большого ящика машину довольно странного вида: ее кубической формы корпус был обшит черной кожей; на верхней части виднелось два небольших, соединенных приводом, колеса и несколько дугообразных металлических рычагов с шариками на концах. В середине левой стенки было устроено колесо, напоминавшее формой и величиной колесо обыкновенной швейной машины, а на передней плоскости куба виднелось шесть небольших трубообразных наростов, с двумя сияющими медью отверстиями в каждом. Монгомери с помощью полицейских поставил эту машину на самом возвышенном пункте холма и извлек из второго ящика машину меньшего размера, напоминавшую камеру большого фотографического аппарата. На верхней части этой камеры, также обшитой кожей, посередине, к высокому стержню была приделана металлическая узкая и длинная трубка, походившая на прицельную трубку дальнобойного охотничьего штуцера. На верхней же плоскости, у переднего ребра виднелись две

узких стеклянных пластинки, напоминавшие видоискатели. К тыловой части было прикреплено шесть кабельных коротких проводов с вилками штепселей на концах. В середину передней стенки камеры была вделана короткая, толстая, упругая трубка из темного вещества, похожего на гуттаперчу, оканчивающаяся сферическим стеклом; эта трубка походила на трубку объектива волшебного фонаря и могла отклоняться в разные стороны под острым углом. Профессор Монгомери укрепил этот аппарат на массивном треножнике впереди первого, соединил оба аппарата проводами и торжественным тоном произнес:

— Готово!

— Начинайте! — сказал Гарри Морган, щелкнув крышкой хронометра. — Уже три часа. Пора!

На холме в напряженном молчании замерли фигуры — полицейских в синих мундирах, обоих королей и трех хмурых шоферов-негров. Было слышно лишь прерывистое дыхание толстяка Маклина. Монгомери наклонился над прибором, рукой привел в движение колесо сбоку большой машины, нажал один из дугообразных рычагов в ее верхней части, — и присутствующие, не сводившие любопытных глаз, услышали легкий стук, напоминавший стук маленького мотора. Профессор приложил к глазам бинокль, несколько секунд внимательно смотрел в него, потом наклонился над аппаратом на треножнике, заглянул в стекло тонкой трубки в его верхней части и нажал кнопку на крышке правой рукой, слегка наклонив толстую трубку и левой рукой направляя на город ее сияющее стеклянное отверстие. Присутствующие, следившие за всеми его движениями, ожидали вспышек света, яркого снопа лучей из толстой трубки, но ничего не случилось особенного, и только слышалось в мертвой тишине на верхушке холма потрескивание стоявшей на земле машины. Оба короля многозначительно переглянулись, но в этот момент вдали, над городом, три раза сверкнуло в воздухе отблеском мгновенной алой молнии пламя, синеватый столб дыма поднялся над площадью, постепенно рассеиваясь, и послышалось несколько легких взрывов, напоминавших многократный треск

отдаленных ружейных залпов. Затем серая громада зданий снова обрисовалась вдаль, под низко-бегущими пухлыми облаками хмурого неба, подернутая синеватым туманом. Профессор нажал кнопку в верхней части прибора на треножнике, выпустил трубку и одним движением остановил колесо сбоку задней машины. Стук прекратился.

Присутствующие приложили к глазам бинокли, но синеватые волны тумана, плавающие над зданиями, скрывали центральные улицы и площадь.

— Клянусь нефтью, там что-то случилось! — проскрипел Маклин, швыряя на землю бинокль. — Как вы думаете, профессор?

Монгомери смерил его с головы до ног презрительным взглядом и стал с помощью полицейских упаковывать в ящик части своего прибора. Инспектор полиции переглянулся с Гарри Морганом и проговорил, обращаясь к одному из своих подчиненных:

— Эй, Мак Корти, возьмите мотоцикл и отправляйтесь на разведку, но будьте осторожны...

Молодой, бритый полицейский вытаращил свои выпуклые голубые глаза на начальство, приложил к козырьку пальцы правой руки, повернулся на каблуках, подошел к мотоциклам, выбрал один из них, вскочил на него и помчался по шоссе к городу. За его согнутой над рулем фигурой в синем мундире следило с холма несколько пар внимательных глаз. С холма увидели, как он, не доезжая до предместья, соскочил с машины, остановился, постоял минут пять, всматриваясь вперед, и затем, придерживая рукой мотоцикл, медленно двинулся к городу. У самой заставы он наклонился, что-то рассматривая на земле, долго стоял там, и, наконец, его темная фигура исчезла в синеватом тумане.

Профессор, тщательно запаковав свой прибор, уселся на ящик и снова стал уничтожать шоколад. Стальной король и Джим Маклин в волнении прохаживались на вершине холма.

— Что вы думаете об этом, Морган? — тихо спросил Маклин, попыхивая сигарой.

— Не знаю, что и думать, — процедил сквозь зубы стальной король. — Не наврал ли вам почтеннейший профессор? Что-то слишком просто все это вышло. Я видел ясно блеск огня, дым, слышал треск, как раз вскоре после того, как профессор начал действовать своим прибором, но ведь это могло быть простым совпадением. Вообразите себе, что бунтовщики дали несколько залпов в воздух в ознаменование какой-нибудь радостной вести... Это вполне возможно. А этот синий туман? И это могло случиться от какой-нибудь иной причины.

— А я уверен, что там случилось что-то необыкновенное, — отозвался нефтяной король, — ведь этот парень в синем мундире въехал в город. Иначе он давно был бы обстрелян бунтовщиками и вернулся сюда. Впрочем, мы скоро все узнаем точно. Полицейский не замедлит вернуться.

— Подождем, — согласился Морган.

Инспектор полиции молча смотрел в бинокль, стараясь проникнуть взглядом сквозь завесу синеватого тумана, по временам отрывая от стекол свои рачьи глаза и бросая презрительный взгляд на спокойно сидевшего на ящике Монгомери. Он был уверен, что профессор обманул всю компанию, произведя заведомо неудачный опыт, или, в лучшем случае, обманулся сам, преувеличив силу действия своего прибора.

— Мак Корти возвращается! — воскликнул инспектор, опуская бинокль, — видите, жарит всюю!

На шоссе виднелась согнутая над рулем фигура в синем мундире, быстро мчавшаяся к подошве холма. Мотоцикл взлетел с характерным стуком по откосу. Мак Корти соскочил на камни, отшатнулся от упавшей машины и остановился, тяжело дыша, вытирая рукавом мундира капли пота с бритого, искаженного ужасом лица. Его выпуклые глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит; пухлые, бледные губы были полураскрыты и обнажали полоску желтых прокуренных зубов; бледные щеки покрылись серой, пыльной паутиной, козырек фуражки нелепо сдвинулся на бок.

— Там... там... — пробормотал он, тяжело дыша и безумными глазами вглядываясь в даль, где в синеватой дымке

высилась громада восставшего города.

— Да говорите же, Мак Корти! — бешено вскричал инспектор, — экая вы баба! Каши вы, что ли, набрали там в рот и не можете прожевать, черт возьми? А я еще считал вас бравым парнем!

— Они... они там все сторели, господин инспектор, — дрожащим, охрипшим от волнения голосом выдавил из себя Мак Корти.

— Так рассказывайте же, черт возьми! — гаркнул инспектор. Мак Корти дрожащей рукой достал из кармана мундира трубку, набил ее, просыпав большую часть табаку на камни шоссе, закурил и выпустил облако голубоватого дыма прямо в лицо своему начальнику.

— Извиняюсь, господин инспектор, — заговорил он, наконец, вынимая трубку изо рта, — но это было так ужасно! Можно с ума сойти! Я доехал почти до предместья, ожидая выстрелов с минуты на минуту, но там было все тихо. У того места, где была застава, я увидел десятка два странных предметов, валявшихся в беспорядке и похожих на обгорелые обрубки дерева. Когда я подошел ближе, я увидел... Что бы вы думали, господин инспектор? Обуглившиеся трупы с выпавшими синими внутренностями, вот, что я увидел!

Стволы винтовок с обгоревшими ложами валялись рядом; около каждого трупа валялись медные ружейные гильзы. Они, очевидно, все взорвались сразу. Лица мертвецов с лопнувшими, вытекшими глазами были черны, как у негров. Я в ужасе вскочил на мотоцикл и двинулся дальше. Улицы предместья были пусты, лишь кое-где из окон выглядывали искаженные ужасом, безумные, застывшие лица. Когда я выбрался на центральные улицы, там уже не было заметно никакого признака присутствия людей. Дома и улицы вымерли. На мостовой всюду валялось битое стекло, так как во всех окнах полопались стекла. Маленькие деревянные киоски на углах улиц и деревянные столбы телеграфа превратились в кучки угля. В волнах заполнявшего улицы вонючего, синего дыма раскачивалась свисавшая с металлических столбов и крыш проволока, обрывки которой спле-

тались в сеть у подъезда и торчали всюду. Когда я подкатил к площади и взглянул вперед, то едва не упал с машины. Площадь и прилегающие к ней улицы были завалены обуглившимися трупами с вытекшими глазами и черными, как у негров, лицами. Всюду валялись стволы винтовок без лож, исковерканные металлические части автоматических пистолетов, пуговицы, монеты. Много виднелось маленьких трупиков, трупиков детей. Весь город вымер, господин инспектор! Очевидно, все население было на площади и все они сгорели. Я не мог вынести этого зрелища, вскочил на мотоцикл и примчался сюда. Извиняюсь, господин инспектор, но это было так ужасно!

Мак Корти замолчал и с дрожащими руками стал раскуривать погасшую трубку. Оба короля переглянулись, и, словно по уговору, направились к спокойно сидевшему на ящике профессору.

— Поздравляю, уважаемый профессор! — с любезной гримасой на жирном лице проскрипел нефтяной король, пожимая руку Монгомери. — Вы вполне оправдали наши надежды и даже превзошли все наши ожидания. Завтра я вам пришлю чек.

— Искренно жму вашу руку! — процедил стальной король, и на его козлиных губах также показалась любезная улыбка. — Вы — наш меч, карающий бунтовщиков! Вы достойны славы и богатства!

— Мне кажется, нам пора домой! — отозвался профессор, гордо вскидывая птичью голову и вставая с ящика, — здесь нам, я полагаю, нечего делать. — Оба короля сделали знак своим шоферам, и те завозились у машин, приготавливая их в дорогу. При помощи полицейских профессор снова заботливо уложил ящики с частями своего аппарата на переднее сиденье автомобиля.

— Гаррисон! — крикнул инспектор полиции, усаживаясь в автомобиль рядом с Гарри Морганом, — я уезжаю в Нью-Йорк, а вам предлагаю немедленно со всеми нашими ребятами отправиться в Блеквиль. Если же, на всякий случай, вы встретите там каких-нибудь людей, задержите их и дей-

ствуйте самым энергичным образом. В крайнем случае, стреляйте. И так, до свиданья. Завтра я буду в Блеквиле.

Автомобиль Моргана помчался с холма к Нью-Йорку, за ними последовал автомобиль Маклина.

РОКОВОЕ ПИСЬМО

Профессор Монгомери вернулся домой уже ночью, когда улицы Нью-Йорка сияли гирляндами матовых, излучавших белый свет, шаров и созвездиями разноцветных электрических звезд под огромными витринами магазинов и подъездами домов. Соскочив с автомобиля, он кивком головы простился со своими спутниками и в сопровождении двух шоферов, согнувшихся под тяжестью ящиков с частями прибора, двинулся от ворот к подъезду. На балконе, под тентом ярко светилась электрическая звездочка; окна гостиной и комнаты тетушки Джен в верхнем этаже были ярко освещены. Профессор нажал кнопку звонка; в окнах нижнего этажа вспыхнул свет, и голос тетушки Джен прогудел за дверью, окликая Монгомери.

— Да, это я, откройте! — отозвался Монгомери.

Когда дверь распахнулась, Монгомери быстро спросил:

— Долли у себя?

— Она еще не возвращалась от Мери Морленд, — ответила экономка.

— Черт знает, что это такое! — сердито пробормотал Монгомери, — скоро ли это кончится? Девушка окончательно сошла с ума!

Он поспешно стал подниматься по лестнице, крикнув на ходу экономке:

— Ужин подайте, пожалуйста, на балкон! А пока проводите этих людей в лабораторию и наблюдайте, чтобы они аккуратно поставили ящики на прежнее место!

Через четверть часа профессор в своем обычном костюме вышел на ярко-освещенный балкон, где около стола уже хлопотала тетушка Джен.

Монгомери уселся в качалку и лениво принялся за ужин. Комариный писк звонка коснулся слуха Монгомери и он вздрогнул. Кто может звонить к нему поздно ночью?

Это, вероятно, возвращается Долли. Через минуту в дверях показалась тетюшка Джен, раскрасневшаяся от негодования; она размахивала каким-то письмом, словно собиралась швырнуть его в лицо профессору.

— Это был сумасшедший или окончательно пьяный! — вскричала она. — Когда я ему открыла дверь, я это сразу заметила. Лицо у него перекошилось, глаза блуждали, как у помешанного, честное слово! В одной руке он держал газету, в другой — вот это письмо.

Когда он меня увидел, швырнул мне письмо и заорал:

«Передайте это письмо вашему профессору, пусть он его прочитает сейчас же. Может быть, он кое над чем задумается. Также пусть он прочитает сегодняшний ночной экстренный выпуск “Геральда”. Там подробно описан подвиг одного зверя и негодяя». Потом он еще что-то кричал об убийстве, крови и возмездии, размахивая газетой. Очевидно, он сбежал из сумасшедшеф Дома, или был мертвецки пьян, мистер Монгомери! Или, вернее, то и другое вместе!

— Давайте письмо! — быстро перебил профессор и протянул нетерпеливо руку. Разгневанная экономка бросила письмо на стол и с присушим ей величием удалилась.

Монгомери схватил письмо, нетерпеливо разорвал конверт, взглянул на написанное знакомым, полудетским почерком и задрожал. Он провел дрожащей рукой по лицу, справился с волнением и прочитал, холодея от ужаса:

«Дорогой отец, пишу тебе из Блеквиля. Я не могла больше ждать: праздная, бессмысленная жизнь мне надоела, и я уехала к Тому. В Блеквиле — восстание, ему грозит опасность, и я должна быть с ним. Я пойду с ним рука об руку в бой за справедливость и за рабочий класс. Это не пустые слова, отец. Повторяю, мне надоело бессмысленное существование; я ненавижу паразитов и

верто в конечную победу социализма – в торжество пролетариата. При первом удобном случае подам о себе весточку. Не скучай. Письмо передаст друг Тома и, следовательно, мой друг.

Твоя Долли».

Белый листок задрожал в руке Монгомери, и эта рука бессильно опустилась на колени. Он не хотел верить своим глазам. Как! Его дочь, его любимое, единственное дитя, как видно по дате письма, уже несколько дней в восставшем городе... И сегодня, быть может, он своей собственной рукой... свою дочь, свою единственную привязанность! Эти мысли были мучительней жестокой физической пытки. Нет, такая чудовищная вещь не могла случиться! Ведь есть же в мире справедливость. Не может быть, чтобы судьба так жестоко посмеялась над ним в день его торжества!

Профессор вскочил и забежал по балкону, запустив походившие пальцы обеих рук в свою густую шевелюру. Голова его горела, как в огне; в висках молотками стучала кровь; судорога сводила его пальцы, и, казалось, вот-вот кости его превратятся в слабые, гибкие хрящи, и рухнет мешком на крашеный пол балкона его худое тело. Мысли в голове жгли и путались.

Неожиданно в мозгу профессора яркой молнией мелькнула светлая мысль, и он бросился к телефону. Дрожащими от волнения руками сорвал он трубку, вызвал кабинет инспектора полиции и охрипшим голосом закричал:

— Это вы, мистер Бригс? Нет? Попросите его к телефону! Кто просит? Скажите, профессор Монгомери! Да, только, ради бога, скорее! Да, да! Это вы, мистер Бригс? Ради всего святого, командуйте немедленно, сейчас же в Блеквиль десяток лучших агентов и поручите им выяснить, что случилось с моей дочерью. Она три дня тому назад уехала в Блеквиль! Да, да! Не стесняйтесь никакими расходами, я

готов пожертвовать всем своим состоянием за одну добрую весточку... О, если она жива!.. Вы думаете? Умоляю вас! Так, вы пошлете? И немедленно, сию минуту? Самых ловких?.. Хорошо! Я жду! Непременно, сейчас же сообщите! Да, да! До свиданья.

Профессор повесил трубку и снова вышел на балкон. Он упал в качалку, закрыл лицо руками и застыл в неподвижной позе. Сейчас в нем загорелась слабая искорка надежды. Ведь полицейский, побывавший в мертвом городе, рассказывал, что несколько человек на окраине уцелело. Может быть, среди уцелевших и его дочь. Ведь в жизни бывают разные случайности. Почему бы в силу счастливой случайности не спастись его любимой дочери? Правда, он знал ее живой, решительный характер, который бы ей не позволил сидеть дома в тот момент, когда окружающие все до единого идут на собрание, могущее заинтересовать самого нелюбопытного флегматика. Но, может быть, на этот раз она осталась дома, в таком помещении, куда не могли проникнуть страшные «лучи смерти». Может быть, наконец, она сломала ногу, но она жива, жива!

Ведь бывают чудеса! Предположения, которыми старался успокоить себя профессор, были весьма шаткими, и ему оставалось лишь надеяться на чудо.

На балконе показалась тетушка Джен. Увидев сидевшего в странной позе профессора, она молча с удивлением взглянула на него, убрала со стола остатки ужина и удалилась на покой. А профессор продолжал сидеть неподвижно в качалке, за столом, делая лишь необходимые движения для того, чтобы закурить сигару.

ПРОФЕССОР УНИЧТОЖАЕТ СЛЕДЫ ОТКРЫТИЯ

Обычно профессор выкуривал не более двух-трех сигар в сутки, но теперь он курил одну за другой, утопая в облаках голубоватого, медленно-тающего дыма, роняя пепел на стол, на свой пиджак и на всклокоченную бороду. Белый свет электрической звездочки под тентом сливался уже с мутным светом наступавшего дня; за решеткой чугунной ограды просыпался огромный город. Восходящее солнце бросило светлые пятна на высокие крыши серых зданий, а профессор продолжал сидеть все в той же позе, куря сигару за сигарой и уже чувствуя тошноту от втянутой вместе с табачным дымом гомерической дозы никотина. Тетушка Джен вышла на балкон с подносом, на котором дымился блестящий серебряный кофейник, и удивленно вскричала:

— Как, вы уже встали, мистер Монгомери? А я думала...

Ее взгляд скользнул по искаженному страданиями, бледному лицу Монгомери: она как-то странно съежилась и поспешила удалиться. Профессор молчал. Ему теперь все казалось ненужным и неважным. Ненужными и странными казались и вопрос экономки, и ее появление на балконе, и этот поднос с кофе. Когда экономка снова появилась на балконе, он вскричал плачущем голосом:

— И какого дьявола вы сюда шляетесь? Я хочу, хочу быть один! Понимаете ли вы это?

— Но там вас спрашивает какой-то полицейский. А я, конечно, могу уйти, и даже уйти совсем из вашего дома! — тоном оскорбленного достоинства начала экономка, но профессор вскочил и вскричал:

— Полицейский? Ведите, ведите его сюда! Скорее!

Тетушка Джен исчезла, и на пороге показалась фигура рыжеусого полицейского Гарри сона.

— Вы от Бригса? — быстро спросил Монгомери, чувствуя, что ноги его подкашиваются, и падая в качалку.

— Нет, я сам от себя, мистер Монгомери, — проговорил Гаррисон, подходя к столу. — Я был вместе с ребятами в Блеквиле и мы осматривали трупы. На одном из них я нашел вот эту штуку и, так как на ней выгравирована ваша фамилия, я подумал, что она вас заинтересует...

И Гаррисон положил на стол перед профессором золотой медальон с искусно сделанным из мелких бриллиантов трилистником о четырех листках на крышке и тонкой золотой цепочкой.

Профессор схватил медальон и, жадно глотая воздух раскрытым ртом, словно выброшенная на берег рыба, откинулся на спинку качалки, еле сдерживая стон нестерпимой душевной боли: он узнал медальон, подаренный им его покойнице-жене, с которым Долли не расставалась. Профессор нажал пружинку, медальон раскрылся, и там мелькнуло на маленьком кусочке картона знакомое, когда-то горячо любимое лицо, с темными глазами, пышной прической и лукавой улыбкой губ с чудесным изгибом; это была картинка его покойной жены, на которую Долли была так похожа...

Профессор поднял расширившиеся от ужаса и душевной муки глаза на стоявшую перед ним высокую фигуру в синем мундире и спросил каким-то чужим, тягучим голосом:

— Почему вы здесь? Почему вы стоите здесь?

— Но, я полагал... Мне кажется, что мне следует получить за труды?.. — смущенно пробормотал Гаррисон. Профессор несколько секунд молча смотрел на него окаменевшим взглядом, потом медленным движением автомата достал из бокового кармана пиджака маленький, желтой кожи бумажник, достал оттуда вчетверо сложенную, хрустевшую в его пальцах бумажку и протянул ее полицейскому. Гаррисон схватил ее, мельком оглядел и ошеломленно пробормотал:

— Виноват... Но вы ошиблись. Цифра на чеке слишком велика!

— Убирайтесь с этим чеком! — медленно, тягуче произнес профессор, опуская глаза, — мне не нужно денег. Мне ничего не нужно. Награда за убийство... Это было преступление... Если вы внимательно посмотрите на эту бумажку, заметите на ней кровь.

Гаррисон с недоумением пожал плечами, спрятал чек в карман и удалился на цыпочках, стараясь не стучать сапогами. Профессор сидел молча и смотрел в одну точку оставившимися, застывшими глазами. Теперь уже у него не оставалось ни надежды, ни сомнений. Все в нем застыло, словно окаменело его старческое тело, и только в мозгу медленные, тяжелые, как жернова, ворочались странные мысли. Наконец, он встал и медленно направился в свою лабораторию. Осторожно ступая ногами, словно шагая по стеклу и боясь поскользнуться, он прошел по коридору, отворил дверь в большую квадратную комнату, освещенную тремя венецианскими окнами, и вошел. За стеклом четырех высоких, красного дерева, шкафов блестели стеклянные колбы, узкогорлые реторты и банки всех видов и форм, наполненные разноцветными жидкостями и порошками всех цветов и оттенков. На сером мраморе трех узких и длинных столов в беспорядке были расставлены бензиновые, спиртовые, газовые и электрические горелки, валялись странной формы металлические щипцы, с плоскими, как лопаточки, концами, фарфоровые ступки и металлические ложки. Грда книг и рукописей виднелась на красного дерева этажерке, рядом с которой стояли два фанерных ящика с частями прибора. У двери стояла металлическая коробка электрической печки. Профессор медленно подошел к среднему шкафу, выдвинул нижний ящик, извлек из него грудку исписанных листков и, открыв дверцу электрической печки, засунул их в отверстие. Закрыл наглухо дверцу, вставил штепсель в гнездо в стене и постоял несколько минут неподвижно. Потом выдернул штепсель, снова открыл дверцу и утопил пальцы в горячем пепле. Он не замечал запаха гари, смешавшегося со специфическим запахом лаборатории. Глубоко вздохнув, схватил валявшийся у шкафа на полу маленький топорик, подошел к фанерным ящикам и с оже-

сточенным бешенством стал рубить их, словно панцирь, скрывавший смертельного, ненавистного врага. Фанера затрещала, на пол посыпались осколки досок, стекла, зубчатые металлические винты, кривые рычажки, куски спирали и проволоки. Из раздробленного меньшего ящика профессор извлек странный предмет, напоминавший внешним видом валик маленького органа с остатками проволоки на концах, и вышел с ним из лаборатории. В глубине коридора мелькнула массивная фигура экономки и поплыла ему навстречу.

— Тетушка Джен, у меня к вам просьба, — тягучим голосом заговорил профессор, — подите-ка сюда поближе!

Экономка приблизилась, искоса пугливо поглядывая на него.

— Вы должны дать честное слово, что вы исполните мою просьбу, — продолжал медленно выдавливать из себя слова профессор. — Вот, возьмите эту вещь и бросьте ее в колодец в нашем саду. Знаете, тот, из которого раньше брали воду для поливки. Теперь он заброшен. Тем лучше. Но, ради бога, сделайте это немедленно!

Тетушка Джен была смертельно напугана поведением своего хозяина, которого она считала рехнувшимся, и с нее слетела присущая ей воинственность. Она покорно взяла в руки странный предмет и спустилась по лестнице в сад. Профессор в коридоре нетерпеливо ждал ее возвращения.

— Ну что, вы исполнили все, что я вам говорил? — хрипло крикнул он, еще издали заметив в дверях ее массивную фигуру.

— Да, я швырнула эту штуку на самое дно колодца! — отозвалась экономка, взбираясь по ступеням лестницы и тяжело отдуваясь.

— Вы можете дать честное слово, что сделали это? — с беспокойством в голосе спросил он.

— Да, конечно, даю слово. Я вас не понимаю, мистер Монгомери, за последнее время... — жалобно загудела тетушка Джен; но профессор молча повернулся к ней спиной и снова направился в свою лабораторию.

ОНИ ПРИДУТ

В психиатрической лечебнице доктора Барлоу появился новый пациент. Одетый в короткую, серую куртку, серые брюки и войлочные туфли, он часами сидел неподвижно на узкой койке в маленькой каморке, с обитыми белым войлоком стенами и единственным круглым, как огромный рыбий глаз, окном, забранным тонким переплетом решетки. В этом человеке с трудом можно было узнать профессора Монгомери. Голый череп, на котором еще недавно курчавилась пышная грива седых волос, напоминал череп дефективного ребенка своими ненормальными выпуклостями; на впалых, худых щеках, обритых три дня тому назад, пробивалась седая щетина; большой горбатый нос побелел и сделался как будто длиннее; маленькие голубые глаза ввалились и остекленели, утратив прежнюю живость; профессор теперь напоминал больную, ощипанную птицу; одним словом, это была тень прежнего профессора Монгомери. Два раза в день, — утром, когда он еще лежал на койке, утомленный длинной, бессонной ночью, и вечером, когда загоралась тусклым, желтоватым светом электрическая лампочка под высоким, белым потолком, — дверь в каморку открывалась и в нее входил, бесшумно ступая по войлоку, здоровенный негр в белом больничном халате. Он молча ставил на круглый мраморный столик перед койкой поднос с парой яиц, стаканом молока и двумя тонкими ломтиками белого хлеба и бесшумно исчезал, тщательно захлопывая за собой дверь. Иногда в двери что-то щелкало, в середине ее открывался круглый глазок, в котором тускло мерцали круглые, в роговой оправе, очки доктора Барлоу, молча наблюдавшего за своим «пациентом». Заслышав характерное щелканье открывающегося глазка и заведев в нем совиные очки, Монгомери вскакивал с койки, словно подброшенный стальной пружиной, и хрипло кричал, брыз-

гая слюной и сверкая сразу оживлявшимися, округлившимися от дикого бешенства глазами: «А, это вы, почтеннейший “доктор”! Или, правильнее, тюремщик, так как вы такой же доктор, как я — китайский богдыхан! Скажите, сколько вы взяли за то, чтобы упрятать меня, вполне нормального человека, в эту тюрьму? О, ум мой более ясен и трезв, чем когда-либо прежде; мысли вспыхивают в моем мозгу, как молнии! Разве сумасшедший может предвидеть то, что я предвидел? Когда эти люди ворвались, я только смеялся в душе. Я предвидел, что они будут шарить во всех углах, во всех мышиных норках моего дома, осмотрят каждый клочок бумаги и будут искать, искать. Но за два дня до их прихода я уничтожил мой прибор, сжег все мои рукописи, запертал испускающее лучи вещество туда, где его никто не откопает. Они мне грозили, они, кажется, даже собирались прибегнуть к пытке, но я был тверд, как гранитная скала. Ибо я осознал свою ошибку: не им, не этому прогнившему классу, себялюбивому, эгоистичному, носящему в крови микробы разложения физического и нравственного и обреченному на гибель, — должен был я помочь в борьбе своим открытием. Буржуазный класс обречен на гибель самой историей; на арену политической борьбы выступил новый класс, класс пролетариев, в котором таятся огромные творческие силы и возможности. О, скоро, скоро люди труда своими мозолистыми руками разрушат старый мир до основания и на его развалинах построят новый! Они не заражены предрассудками, сердца их мужественны и тверды, как камни; в них таится источник творческого духа, подлинного революционного энтузиазма и любви к человечеству. Для них нет границ, национальностей и прочих фетишей, которые пыталась создать для затемнения их умов буржуазия. Я долго думал в длинные, бессонные ночи моего заточения, я припоминал речи моей милой, бедной Долли, которую буржуазия убила руками отца, вот этими руками! Я все проанализировал и все понял. Теперь я жду прихода людей труда и предоставляю в их распоряжение мое открытие, которое поможет им раздавить подлую буржуазию!»

Доктор Барлоу внимательно слушал в отверстие; в середине двери тускло мерцают его круглые, совиные очки, сквозь толстые стекла которых его маленькие, мышинные глазки ощущают тщедушную фигуру «пациента».

Когда профессор, измученный вспышкой бешеного гнева, бессильно опускается на койку и умолкает, со щелканьем захлопывается круглый глазок.

Профессор, тяжело дыша, несколько секунд неподвижно сидит на койке, потом начинает шептать про себя с пламенной верой фанатика: «О, они придут, я в этом уверен! Они придут, эти строители нового мира, простят мне мое преступление, так как они — реальные политики, и я им понадоблюсь для уничтожения этой буржуазной клики. Они узнают, что здесь — не психиатрическая лечебница, здесь — замаскированная тюрьма, куда буржуазия прячет тех людей, которых по многим соображениям не может засадить в тюрьму официальную. Они придут и разобьют двери этой тюрьмы. И тогда...»

«Лучи смерти» и их автор

Николай Алексеевич Карпов (1887-1945) – русский советский писатель, уроженец Пензенской губернии. С 1907 г. жил в Санкт-Петербурге, публиковал стихи и рассказы в периодических изданиях. Этому периоду жизни посвящены написанные в 1930-е годы воспоминания «В литературном болоте» – наиболее ценное сочинение в литературном наследии Карпова.

Публикуя их, С. Шумихин отозвался об авторе как о «мелком литераторе, второго или даже третьего разряда <...> Жизнь писателя была намного интересней его произведений»*. Действительно, по сведениям Шумихина, Карпов после революции работал народным следователем, начальником милиции, инспектором Рабоче-крестьянской инспекции. В 1920-х гг. он опубликовал более двух десятков сборников и отдельных изданий одиночных рассказов, чаще всего юмористическо-сатирического свойства.

Несколько рассказов Карпова относятся к научной фантастике; в них, как и в романе «Лучи смерти», главное место занимает тема фантастического оружия. В рассказе «Таинственный аэроплан» (1914) повествуется об электрическом летательном аппарате и электроревольверах, в рассказе «Корабль-призрак» (1915) – об электрическом же корабле со специальной покраской; в рассказе «Белый генерал» (1914) «сверхоружием» выступает призрак генерала Скобелева. Как можно видеть, Карпов умело приспособлял свои заурядные фантастические идеи к требованиям момента – от войны с немцами до революционной борьбы мирового пролетариата.

Роман «Лучи смерти» стал наиболее удачным творением подобного рода. Вышел он фактически тремя изданиями: в выпусках 1-3 «Библиотечки революционных приключений» издательства «Рабочая Москва» (1924) и двумя изданиями в ЗИФе (1925, общий тираж 15 тыс. экз.). Роман Карпова, опередивший «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого, стал и одним из первых в советской фантастике произведений на модную тему «лучей смерти»; нельзя исключать, что он повлиял и на А. Толстого, и на М. Булгакова (отметим в этом смысле сцены в клинике для душевнобольных).

* http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001201.php.

Карпов, конечно, и близко не мог соперничать талантом с Толстым или Булгаковым. В «Лучах смерти» он и не особенно старался. Роман Карпова – откровенная агитка в духе «красного Пинкертона»: капиталисты отличаются телесным уродством и не переставая курят сигары, у рабочих непременно «заскорузлые руки» (с точностью до «заскорузлых лап»), молодые женщины, даже пролетарки, обязательно «порхают» и «щебечут», гениальный изобретатель «лучей смерти» профессор Монгомери, который стирает с лица земли население целого рабочего города вместе с собственной дочерью и ее возлюбленным-революционером – гениален, аморален и чудакват и т.п. Среди этих ходульных описаний останавливает на себе внимание лишь 24-я глава, где «лучи смерти» в конце концов начинают действовать, да портрет Л. Д. Троцкого в виде вождя восставших американских рабочих: «Небольшая черная борода оттеняла матовую бледность его впалых щек; черные, глубоко-впавшие глаза горели лихорадочным возбуждением».

Сложно не заметить, однако, весьма необычный для фантастики этого рода и эпохи прием, состоящий в полном обмане читательских ожиданий. От такого романа читатель вправе был ожидать долгой и запутанной борьбы капиталистов и пролетариев за обладание аппаратом «лучей смерти», грандиозных картин всеамериканского восстания трудящихся, панического бегства эксплуататоров, триумфа революции и слияния любовников (профессорской дочки Долли и рабочего Тома Грея) на фоне развевающихся алых знамен. Но ничего подобного в романе нет и в помине. Долли и Том гибнут, причем «за кадром»; победа революции оборачивается жестокой расправой капиталистов над взбунтовавшимся городом; наконец, свой финальный монолог о пришествии «строителей нового мира» явно тронувшийся умом профессор Монгомери произносит в палате «желтого дома». Благополучно спасается лишь ловкий и предприимчивый «сознательный» таксист Бен Смок: его уютная, почти мещанская квартира, хорошая жена и относительно сытное существование противопоставлены в романе пафосу революционной героики и аскетическому быту Грея. Похоже, здесь много повидавший на своем веку писатель невольно проговорился, выдав рецепт выживания.

М. Фоменко

Оглавление

I. Три короля	7
II. Черный Интернационал	10
III. Страшное оружие	13
IV. Профессор Монгомери сердится	16
V. Неприятный разговор	20
VI. Неожиданный гость	23
VII. План мистера Бунса	27
VIII. В лечебнице доктора Барлоу	32
IX. Подложное письмо	37
X. Том Грей встречается друга	40
XI. По случайно найденному следу	43
XII. Долли на свободе	47
XIII. Долли принимает решение	51
XIV. Профессор решается тоже	55
XV. Сделка состоялась	59
XVI. Вести о восстании	63
XVII. В гостях у Смока	66
XVIII. По дороге в Блеквиль	70

XIX. Восставший город	74
XX. Долли появляется в Блеквиле	82
XXI. Смок уезжает из Блеквиля	87
XXII. Монгомери готовится в дорогу	91
XXIII. На холме перед Блеквилем	97
XXIV. Прибор профессора в действии	103
XXV. Роковое письмо	110
XXVI. Профессор уничтожает следы открытия	114
XXVII. Они придут	118
<i>М. Фоменко. «Лучи смерти» и их автор</i>	121

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.